

Вестник

Понедѣльникъ 1-а седмицы сѣгаша поутѣ.
Первый тропарь, пѣсмъ 1, канѣны сѣгаша андѣа крѣтскихъ.

Оубоу начинѣ плакатнѣ оубоу
нагѣ моегѣ житїа дѣланїи;
коу ли положѣ началѣ, хрѣте,
нѣнѣшнемѣ рыданїю; но ѣкѣ
блѣгодѣтробензѣ, даждѣ мнѣ пре-
грѣшенїи ѡставленїе.

Германской Епархии
Русской Православной
Церкви за границей

1 1993

Архиепископ Иоанн (Максимович)

Проповедь в Неделю Православия

В о имя Отца и Сына и Святого Духа! «*Посредь двою разбойнику, мѣрило праведное обрѣтется Крестъ Твой: овому убо низводиму во адъ тяготою хуленія: другому же легчащуся отъ прегрѣшеній, къ познанію богословія...*» (великопостный тропарь 9-го часа, на «славу»).

Так говорится о Кресте Господнем. Мерило праведное обретется посреди двою разбойнику, три креста водрузи Пилат на Голгофе — два разбойника и один Жизнодавца. Но только Крест Спасителя был спасением для всего человечества, тот Крест, который стоял посреди, он есть орудие мира, непобедимая победа — победа над дьяволом и победа над смертью. Остальные два креста — один был спасительным для того, кто висел на нем, другой был для него лестницей в ад.

Два разбойника висели на крестах возле Господа Иисуса Христа, один хулил все время Его и продолжал хулить, а другой, начавший было хулить, потом образумился, и познав все прегрешения, возопил к Господу: «*помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ*»! И ответил ему Господь: «*днесь со Мною будеши въ раи*»! Так через Крест, через страдания уверовал разбойник благоразумный в распятого Христа, уверовал, как говорится — к познанию богословия. Но когда простил ему Господь грехи, он познал в Нем Самого Сына Божия, понял, что Человек тот, Который висит в беславии и бесчестии, есть славный Царь Славы, понял, что Тот, Который сейчас кажется немощным и слабым, есть Сам всемогущий Творец и Властитель всей Вселенной. Итак, открылись ему умные очи, душевные очи тому разбойнику, который висел с правой стороны, к чему он пришел через покаяние, через смирение. Так и Христос унижил Себя паче всех человек, унижил Себя для того, чтобы тем стереть и уничтожить грех гордости Адамовой. Так и разбойник, смиренно познавший прегрешения, просил у Господа прощения и через то явился ему Господь во всей Своей Славе. А тот другой разбойник, висевший с левой стороны, «ошуюю», — как говорится по-славянски, тот хулил Его все время, хулил потому что сознавал, что грешен, что он есть преступник, что нарушил и человеческие и Божеские законы, но не хотел покаяться, не хотел смириться, и он хулил те самые законы, ко-

торые он нарушил, хулил Самого Законодавца, Который дал законы природы, который вложил в людей совесть, по которой они пишут свои человеческие законы, хотя и не всегда с ней согласуясь, он хулил Его и продолжал хулить, пока тяготою хуления не сошла душа его во ад.

Вот два пути, которые лежат перед людьми. Перед нами лежит Животворящий Крест Господень. Господь сказал: «*Кто хочет по Мнѣ идти, пусть возьметъ Крестъ свой и по Мнѣ грядетъ*» (Мф. 16, 24). Куда грядет? — Сначала через страдания, также как и Христос страдал, потом войдет со Христом и в Царство Вечное, в Царство Небесное, где Господь Иисус Христос сидит на Своем престоле. Нет другого пути, как только идти за Господом. И разбойник, который висел с правой стороны, познал Бога и душой пошел за Ним. Не мог он, конечно, тогда чудесно перемениться, это не нужно, он душой пошел за Христом, познал в Нем Бога, смирившегося ради спасения человеков, смирил себя, познал свои прегрешения и со Христом пошел в рай.

Перед нами лежит путь двух разбойников. Которым путем пойдем мы? Все время человечество шло одним или другим путем. Крест Господень являлся иудеям соблазном, еллинам же, то есть язычникам, — безумием, как можно поклоняться орудію смирения, орудію казни, они не понимали, что этим орудіем Господь спас все человечество от царства дьявола, от царства греха, от вечной гибели. Для иудеев также был соблазном Крест Господень, они желали видеть своего мессию как царя славы, как царя земного, который возвысит их род иудейский, и Крест, на котором был распят Христос, был для них соблазном. Соблазном и безумием казалось распятие Христа; а через это, как говорит нам св. апостол Павел: иудеям соблазн, еллинам же безумие, нам же Христос Божия сила и Божия премудрость. Вот, то что для одних было гибелью, для других стало спасением.

Крест Господень делит людей на две части. Так, одни уверовали во Христа, другие же споткнулись о камень преткновения и гнали Церковь Христову, тело Христово, Глава которой есть Сам Господь Иисус Христос. Церковь Христова есть Тело Христово, сам Он возглавляет ее и Божественным Своим Телом и Кровию питает верующих, питает чад Своей Церкви, так что мы едины со Христом и телесно должны быть и духовно. Мы телом со-

единяемся со Христом через Божественное Причащение, должны душевно примкнуть и сразу следовать Его заповедям.

Все мы грешим, но одни грешат и каются, другие хулят все законы, которые они нарушают. Так было и в древности, когда Арий и другие еретики отвергали догматы Святой Церкви и тогда часто страдали верующие; страдали верующие, когда были нечестивые правители, которые ссылали их в ссылки; так св. Афанасий Великий из сорока семи лет своего святительства провел двадцать лет в изгнании. И другие святители также страдали за истину, страдали и многие верующие, однако в чистоте Православия они спаслись и отверзли врата вечной жизни, врата Царства Небесного. Часто торжествовали неверующие, часто попирали они Церковь Христову, но затем наступала их гибель и падение, и не в Царство Небесное, а в вечные муки в преисподнюю посылались их души, также как некогда Христос послал в ад душу Ирода и других, которые искали Его душу.

Перед нами лежит путь спасения или путь погибели. О Крест споткнулись и христиане во время иконоборчества, когда стали гнать св. иконы, когда стали унижаться и другие святые, и Крест Господень. И это те, которые называли себя правоверными, даже считали себя православными. Итак, полтораста лет господствовала иконоборческая ересь, пока наконец, не была она сломлена окончательно.

В день Торжества Православия мы торествуем победу Христову над иконоборчеством и над всеми бесами. Крест Господень разделял верующих и неверующих, тех которые шли путем спасения и которые шли путем погибели. Также отвергают Крест Господень и нынешние иконоборцы-протестанты и другие, которые отрицают святые иконы, они готовы допустить в своих жилищах красивые изображения каких-нибудь событий евангельских, но однако отвергают почитание святых икон, которые напоминают нам, что спасение приобретается путем тяжелым, узким путем, каким шел Сам Господь Иисус Христос, путем борьбы со своими грехами и пороками, путем пощения и молитв, — этого не признают те, которые желают видеть в Христианстве только нечто розовое и прекрасное, когда можно без всякого усилия, без всякого напряжения себя, без всякой борьбы со своими грехами войти в вечное блаженство. Они идут тем путем, которым шел разбойник висевший ошуюю: они отрицают все законы, которые дал Господь Своими устами и послал Апостолов проповедывать их по всей Вселенной; они отрицают те уставы и писания, которые свято хранит святая Православная Церковь.

И вот через Крест одни спасаются к познанию богословия, к познанию Истины вечной, другие тяготою хуления снисходят в адские мучения. Такой путь пространный предстоит пред нами православными; и здесь есть соблазны, которые разделяют верующих, если они хотят и желают идти тем путем, который им Христос указал.

Все мы грешим, все мы нарушаем Христовы заповеди и законы святой Церкви, но одни сознают себя грешными в том, что они их нарушают и каются в своих прегрешениях, а другие, вместо того, отрицают сами законы и не хотят им покоряться, говорят, что законы эти устарели, законы уже не нужны, мы-де сами умней, чем те, которые дали законы церковные, которые Сам Господь дал через Апостолов и Своих святителей. Вот перед вами два пути — путь благоразумного разбойника и путь того, который тяготою хуления снисшел во ад.

Здесь перед нами также вечные те произведения. Одни готовы признать изображения, если они хорошо написаны, если они красивы и услаждают взор, другие почитают те иконы, где святые изображены страдающими, где изображены их мученические подвиги, их посты и моления, те неблагообразия внешние, но благообразие внутреннее видится на этих священных изображениях. Это, братие, путь двух разбойников. Одни желают спасения, другие желают только наслаждения в этом мире, и когда это им не дается, то они хулят те законы, которые даны для нашего спасения.

И сейчас также могут возникнуть у нас разные деления. Потому что законы Церкви Христовой непреложны, христианин должен покоряться законам и уставам Церкви безотносительно того, как к этому относятся другие, как относится окружающее общество — благожелательно или отрицательно — к законам Церкви. Верные Христовы идут за Христом путем тех законов, тех уставов, которые свято хранит св. Церковь. А те, которые желают лишнего удобств и радости в этом земном мире, который погибнет рано или поздно, те предпочитают законы другие — не церковные, а те, которые допускают им жить, как они хотят и мыслить, как они хотят, свою волю ставить выше над духом Церкви, духом, который дан от Самого Господа Бога, и призывают и других следовать их путем.

Быть может, братие, скоро пред вами опять настанет здесь волнение, и некоторые из вас будут призывать идти путем отрицания святых законов и покоряться только тем законам, которые даны только человеческой властью. Бойтесь этого пути! Бойтесь этого пути, которым пошел разбойник, висевший ошуюю,

ибо тяготою хуления, тяготою хуления Христа, пошел в вечную гибель. И те, которые хулят церковные законы, те хулят Самого Христа, Который есть Глава Церкви, ибо законы Церкви даны Духом Святым через Апостолов. А законы поместные основаны на тех же самых законах, на законах и канонах Церкви. Не будем себя считать более мудрыми, чем те святители, которые установили правила Церкви, не будем мнить себя вельми мудрыми. Будем смиренно с разбойником благо-

разумным взывать: *помяни мя, Господи, во Царствіи Твоемъ!*

Помолитесь о прощении грехов. Если мы отступаем от законов Церкви, если мы постоянно нарушаем их, помолитесь, чтобы Господь помиловал и с разбойником нас ввел в Царство Небесное. Тогда не пойдем тем путем, которым пошел нечестивый разбойник, оставшись нечестивым до конца и снисшедший в преисподнюю. От чего да избавит нас всех Господь. Аминь.

За что был помилован благоразумный разбойник?

Единъ же отъ обѣшеною злодѣю хуляше Его, глаголя: аще Ты еси Христосъ, спаси Себе и наю. Отвѣщаѣ же другій прещаѣ ему, глаголя: ни ли ты боишися Бога, яко въ томъ же осужденъ еси; и мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева: Сей же ни единого зла сотвори. И глаголаше Иисусови: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си. И рече ему Иисусъ: аминь глаголю тебѣ, днешь со Мною будеши въ раи (Лк. 23, 39–43).

Так повествует святой Евангелист Лука о глубоко назидательном и умирительном событии, об обращении и помиловании Христом разбойника, висевшего рядом с Ним на кресте на Голгофе.

Чем заслужил разбойник такую милость? Чем вызван такой скорый и решительный ответ Господа? В аду находились еще все ветхозаветные праведники, включая св. Иоанна Предтечу. В ад собирався сойти Сам Господь, правда не для того, чтобы там страдать, а чтобы вывести оттуда узников.

Не обещал еще Господь никому возвести его в Царство Небесное, даже Апостолам обещал взять их в Свои обители, лишь когда их уготовит.

За что же разбойник прежде всех удостоивается милости, почему ему так быстро отверзаются двери рая? Вникнем в состояние души разбойника и в окружающую его обстановку.

Всю жизнь провел он в разбоях и преступлениях. Но видно не умерла в нем совесть и в глубине души осталось нечто доброе. Предание говорит даже, что он был тем самым разбойником, который во время бегства Христа в Египет сжалился над прекрасным дитятей и не позволил Его убить своим сотоварищам, вместе с ним напавшим было на бежавшее в Египет святое семейство. Не вспомнилось ли ныне ему лицо того Младенца, когда он всмотрелся в лицо Висевшего рядом с ним на кресте?

Но было ли то так или нет, во всяком случае взгляд разбойника на Христа пробудил в нем совесть. Ныне он висел рядом с Правед-

ником, рядом с Краснымъ добротою паче сыновъ человеческихъ (Пс. 44, 3), Которого в то время был видъ безчестенъ, умаленъ паче всѣхъ сыновъ человеческихъ, не имевшим ни вида, ниже славы (Исаии 53, 2–3).

Глядя на Него, разбойник словно очнулся от глубокого сна. Ему ясно представилось различие между Ним и им самим. Тот – несомненный Праведник, прощающий даже Своим мучителям и молящийся за них Богу, Которого называет Своим Отцом. Он же – убийца многих жертв, проливавший кровь людей, не сделавших ему никакого зла.

Взирая на Висевшего на кресте, он словно в зеркале увидел свое нравственное падение. Все лучшее, что таилось в нем, пробудилось и искало выхода. Он осознал свои грехи, понял, что к печальному концу привела его лишь собственная вина и винить ему некого. Посему злобное настроение против исполнителей казни, каковым был охвачен разбойник, распятый по другую сторону от Христа, а вначале и он сам (Мф. 27, 44), сменилось в нем чувством смирения и сокрушения. Он почувствовал страх грядущего над ним суда Божия.

Отвратителен и ужасен стал для него грех. В душе он уже не был разбойником. В нем проснулись человеколюбие и милосердие. Со страхом за участь своей души в нем сочеталось отвращение к происходившему надругательству над невинным Страдальцем.

Несомненно он слышал и прежде о великом Учителе и Чудотворце из Назарета. Происходившее в Иудее и в Галилее было предметом многих разговоров и толков во всей стране. Прежде то, что он слышал о Нем, проходило мимо его внимания. Теперь, очутившись вместе с Ним и в одинаковом с Ним положении, он начал понимать нравственное величие Его личности.

Беззлобие, всепрощение и молитва Христова поразили разбойника. Он сердцем понял, что рядом с ним не обычный человек. Так обращаться к Богу, как Своему Отцу, в час смерти мог лишь тот, кто воистину сознавал

себя Сыном Божиим. Не поколебаться в своем учении о любви и всепрощении, перенося всю низость людской клеветы и злобы тех, коим творил благодеяния, мог лишь тот, кто был в тесном общении с источником Любви или Сам был Им.

Вспомнилось разбойнику все, что он слышал необычного о распятом ныне с ним и теплом чувстве веры зародилось в его сердце. Да, несомненно Он был Сын Божий, воплотившийся на земле, но пребывающий непрерывно в общении со Отцом Своим, Сын Божий, не принятый землею и возвращающийся на небо, Сын Божий, могущий прощать людям! У него появилась надежда, что он избежит осуждения на суде посмертном. Если Иисус молит Отца Своего за Своих распинателей, Он не отвергнет и распятого с Ним. К Нему нужно обратиться чтобы Он, разделяющий сейчас с ним одну участь горьких страданий, принял его и в Своем блаженстве.

Правда, обращение к Иисусу со словами любви и участия встречено будет насмешками окружающей толпы, беснующейся и хулящей Его. Признать Его праведником и Сыном Божиим — значит привлечь на себя внимание и гнев старейшин Иудейских. Хотя они не смогут причинить ему телесных мучений больше, чем он уже терпит, но как тяжело будет чувствовать вокруг себя одну злобу, как тяжки сделаются для него страдания, когда и над ним начнет издеваться бушующий здесь праздный народ!

Впрочем, что для него теперь гнев земных властей, что ему ныне насмешки людские? Как ни тяжело быть отверженным людьми у порога смерти, еще тяжелее быть отверженным Богом. На суд Божий идет он и Бога лишь нужно ему страшиться! Нужно в последние мгновения жизни сделать то, что еще в его силах, чтобы снискать благоволение Божие!

Пусть своими словами он хоть несколько облегчит страдания Христа, пусть хоть одни из хулящих усомнятся и перестанет злословить Его. Христос, обещавший вознаградить за чашу воды, поданную во имя Его, не оставит за то и его без воздаяния. Пусть поносящие Христа, поносят и его с Ним! Это еще теснее свяжет его с Христом! С Христом будет делить он участь здесь, не забудет его Христос и в Своей славе!

И вот, среди шума громких насмешек, злословий и ругательств, он стал увещивать своего сотоварища, висевшего по левую сторону от Христа, перестать злословить Его. «*Ни ли ты боишия Бога, яко въ томъ же осужденъ еси? И мы убо въ правду: достойная бо по дѣломъ наю воспріемлева; Сей же ни единаго зла сотво-*

ри». А затем из уст его послышался смиренный глас: *помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи си*.

То был зов бывшего разбойника, а ныне нового ученика Христова, уверовавшего во Христа тогда, когда прежние ученики оставали Его.

«*Разбойникъ богословяше, азъ же отвергохся*» (седален, глас 5), вопил со скорбью после св. апостол Петр. Усомнились в то время в Господе и все остальные Апостолы.

Даже св. Иоанн Богослов, неотлучно следовавший за своим Учителем и стоявший у Креста на Голгофе, хотя и продолжал быть верен возлюбившему его Иисусу, не имел тогда совершенной веры в Божественность своего Учителя: лишь после Воскресения, войдя в пустой гроб, где лежали пелены и головной плат, обвивавшие мертвое Тело Христова, он *видѣ и вѣрова*, что Христос воистину воскрес и есть Сын Божий.

Апостолы поколебались в своей вере в Иисуса, как в Мессию, потому что они ожидали и хотели в Нем видеть земного Царя, в Царстве которого они смогут сидеть *одесную и ошуюю* Господа.

Разбойник понял, что царство униженного и преданного на позорную смерть Иисуса из Назарета *нѣсть отъ міра сего*. Но именно того царства и искал ныне разбойник: затворялись за ним врата земной жизни, открывалась вечность. Расчеты с земной жизнью у него были покончены, он думал теперь о жизни вечной. И у порога вечности стала ему понятна тщета земной славы и земных царств. Он осознал, что величие заключается в праведности, и в праведном невинном мучимом Иисусе он узрел Царя правды. Не славы в земном царстве просил он у Него, но спасения своей души.

Вера разбойника, родившаяся из преклонения пред нравственным величием Христа оказалась крепче, чем вера Апостолов, хотя и плененных высотой учения Христова, но еще больше веровавших в Него ради происходивших от Него чудес и знамений.

Не совершилось ныне чудесного избавления Христа от его врагов, — и вера Апостолов поколебалась.

Но проявленное Христом терпение, всепрощение и вера в то, что слышит его Отец Небесный так ярко выразили праведность Иисуса, Его нравственную высоту, что, уверовав в Христа ради нее, нельзя было поколебаться тому, кто искал духовного и нравственного возрождения.

А того именно и жаждал сознавший свое глубокое падение разбойник.

Не просил он у Христа быть в Его Царстве *одесную его или ошуюю*, но сознавая свое недо-

стоинство, он смиренно просил лишь *помянуть его во Царствіи Своемъ*, дать ему хоть последнее место.

Он открыто пред всеми исповедывал Распятого Христа Господом и просил у Него помилования.

Смиренная вера во Христа сделала его исповедником. Произволением своим он был даже мученик, ибо, не побоявшись признать своим Господом всеми отверженного «Царя Иудейского», на Котором была сосредоточена вся ненависть бесчисленного народа, собравшегося в те дни в Иерусалиме со всех концов мира на праздник Пасхи и вместе со своими старейшинами и священниками хулившего Христа, он конечно не устранился бы и страдать за Него.

Так глубокое покаяние разбойника родило смирение и вместе с ним оказалось прочным основанием такой твердой веры, какой в то время не обладали ближайшие ученики Христовы.

Уверовавший разбойник проявил тот подвиг, на который тогда не был способен ни один из них.

«*Всякъ убо иже исповѣсть Мя предъ чловѣки, исповемъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесѣхъ*», сказал Господь Иисус Христос (Мф. 10, 32).

Разбойник исповедал Христа, исповедал Его пред многочисленным народом, издевавшимся над Ним, исповедал тогда, когда это никто не осмелился сделать и когда даже оставшиеся верными Ему немногие ученики и женщины лишь горькими слезами свидетельствовали о своей любви к Нему.

Разбойник сделал то, что некогда сделали три отрока в Вавилоне, отказавшиеся поклониться золотому истукану, которого поставил Навуходоносор на поле Деире и которому кланялись *все народы, племена и языки*.

Уверовал разбойник в Господа страждущего, *исповѣда Бога таящагося*, прежде всех он познал его и силу воскресения его, и участие в страданиях Его, сообразуясь смерти Его (Фил. 3, 10), прежде всех понял, в чем состоит Царство не отъ міра сего, уразумел что есть истина (Иоан. 18, 36–38).

Он первый уразумел, что есть Царство Христово, посему первый и входит в него.

Он первый увидел *Иисуса Христа и Сего распята* (1 Кор. 2, 2), первый проповедал *Христа распята, иудеи убо соблазнъ, еллиномъ же безуміе, самѣмъ же званымъ иудеи же и еллиномъ Христа, Божію силу и Божію премудрость*» (1 Кор. 1, 23–24).

Посему он первый и испытывает на себе Божию силу и мудрость, силу сострадающей и возрождающей любви Христовой, первый

«*услышахъ слухъ силы Креста, яко рай отверзся имъ*» (4-я песнь канона Вознесения).

Полное раскаяние в своих грехах и преступлении, глубокое смирение, твердая вера в отдавшего Себя на страдание Распятого Господа Иисуса Христа и исповедание его тогда, когда весь мир был против Него, – вот из чего сплелся венец, венчавший главу бывшего разбойника, как победителя и подвижника, вот из чего сковался ключ, отворивший ему двери рая!

Многие грешат и надеются на покаяние перед смертью, указывая на пример благоразумного разбойника. Но способен ли кто на подобный ему подвиг?

«Помиловал Господь разбойника в последний час, чтобы никто не отчаивался. Но единого только, чтобы никто не уповал чрезмерно на Его милосердие» (Блаж. Августин).

«Таков его конец! Каков же будет наш – не знаем и какою смертью мы умрем, не ведаем: внезапно ли придет или с каким-либо предувещанием?» (Преп. Федор Студит, «Наставление по поводу внезапной кончины брата»).

Сможем ли мы тогда нравственно переродиться в мгновение и духовно возвыситься подобно «спутнику Христову», «малъ гласъ испустившему и велию въру обрѣтшему»? Не восхитит ли нас внезапная смерть, оставив нас обманутыми в надежде на покаяние перед смертью? (слово св. Кирилла Александрийского «О страшном суде», печатаемое в Великом Часослове).

Посему: «Грешник не отлагай покаяние в грехах, чтобы они не перешли с тобой в другую жизнь и не отяготили бы тебя сверхмерною тягостію» (Блаж. Августин, «Илиотропий» св. Иоанна Тобольского, книга 4, глава 5).

Пример благоразумного разбойника да побудит нас не откладывать покаяния, а *спасаться Христу* (Гал. 2, 19) и «теплѣ каяться», дабы и нам испытать на себе «милость сострастія» (Молитва Симеона Нового Богослова). *Плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24) будем ревновать о скорейшем полном внутреннем своем исправлении, предавая себя всецело воле Божией и прося у Христа милости и благодати.

«*Разбойниче покаяніе и намъ подаждь Едине Чловѣколюбче, вѣрою служащимъ, Христе Боже нашъ, ѿ вопіющихъ Ти: Помяни и насъ во Царствіи Твоемъ*».

«*Разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи: и мене древомъ крестнымъ просвѣти и спаси мя*» (Экзапостиларий Великого Пятка).

Архиепископ Иоанн

о. Юстин (Попович)

Толкование на Евангелие от Матфея

Блаженства* (глава 5, стих 6)

Блаженны алчущие и жаждущие правды; ибо они насытятся.

Снова: блаженство — в муках, и в страшных муках, какие бывают от голода и жажды. Снова с человеком происходит нечто таинственное, нечто божественное, нечто небесное. Это всемилостивый Чудотворец наполняет его душу Своим четвертым духовным и блаженным чудом, воцаряет ее над всеми мирами. Блаженство, которое это духовное чудо разливает по всему человеческому существу самым убедительным образом свидетельствует человеку, что его душу посетила Вечная Истина и вселилась в нее.

Алчущий не может сам себя напиться, а жаждущий не может сам себя напоить, ибо и голод, и жажду можно утолить и угасить лишь чем-то внешним. Какой голодный отсечет себе руку с тем, чтобы ее съесть и таким образом утолить свой голод? И какой жаждущий вскрыет себе вены, чтобы пить свою кровь и тем угасить свою жажду? Для того, чтобы утолить голод и угасить жажду своего тела, человек должен брать из окружающего его мира и пищу и питье. Что правомочно для тела, то правомочно и для души. Когда она алчет и жаждет, тогда она питается и напояется не сама собою, но черпает извне себя и во внешнем мире ищет себе пищу и питье.

Голод и жажда души могут быть естественными и противоестественными. Противоестественный голод и противоестественная жажда появляются тогда, когда душа алчет и жаждет греха, сласти и страсти. Таким голодом и такой жаждой голодает и жаждет, ищет себе пищу и питье все, что греховно и смертно в человеке. Грех и смерть суть единственная ненормальность в существе человеческом. И потому что они противоестественны эта жажда и этот голод никогда не могут быть утолены и угашены. Ибо чем больше душа питается грехами и страстями, тем более она испытывает голод. Чем больше она упивается сластями, тем более она испытывает жажду. Это — как если бы человек жевал воздух, чтобы утолить свой голод, или пил бы соленую воду, чтобы угасить свою жажду. Наилучший при-

мер этому: блудный сын. Он никак не может утолить свой противоестественный голод, свою противоестественную жажду, хотя он постоянно питает и напояет себя сладостями и страстями (Лк. 15, 11–16). Поэтому такой голод и такая жажда суть проклятие для человека.

Естественный голод и естественная жажда возникают тогда, когда душа чувствует голод и жажду вечной Истины, вечной Любви, вечной Доброты, вечной Мудрости, вечной Радости, вечной Жизни, вечного Блаженства; одним словом: вечной Правды, Правды Божией. И такие голод и жажда непротоестественные, потому что через них ищет себе пищу и питье сама богообразная сущность души человеческой. Как богообразная, она всегда стремится к Богу, т. е. всегда чувствует голод и жажду по всему бессмертному, всему небесному, всему вечному, всему божественному; она всегда чувствует голод и жажду по Богу, живому и истинному. Оттого-то естественный голод и естественная жажда души не только могут утолиться и угаснуть, но даже и совершенно упраздниться одним лишь Богом. Поэтому они на всех своих ступенях — блаженство для человека.

Как богообразному существу, человеку присущи чувство голода и жажды по божественной Истине и правде, по божественной Любви и Благодати, по божественному Милосердию и Жизни. А когда человек еще и усиливает их в себе, тогда нет мира в его костях, но день и ночь он ищет то, чем бы ему утолить свой голод и свою жажду. И никто из людей не может ему этого дать, потому что никто из людей этого не имеет. Но в нашем человеческом мире все же есть одно существо, которое это имеет и дает. Это единственное существо есть Богочеловек Христос. Всей Своей жизнью и делами Он наглядно показывает и неоспоримо доказывает, что в Нем — все божественные совершенства, которые на человеческом уровне осуществлены и даны нам, людям. Голод и жажда человека по каким бы то ни было божественным совершенствам — это, на самом деле, голод по Нему, по Богочеловеку Христу. И когда в четвертом блаженстве возвещается: *Блаженны алчущие и жаждущие правды*, Он под правдой подразумевает Себя, как воплощение всех совершенств Божиих и человеческих. О том, что это так, свидетельствует Апостол, величающий Христа *Правдой Бо-*

* Продолжение. Начало см. «Вестник» №№1–6/1992.

жией (Рим. 1, 17; 3, 21–22; 5, 17; 1 Кор. 1, 30).

Алчущие правды насытятся только в том случае, если будут питаться Христом, ибо Он – «хлеб жизни, который сошел с неба» (Иоан. 6, 51, 35), чтобы утолить голод человеческого существа по небесному и бессмертному (ср. Иоан. 6, 50). Жаждающие правды утолят свою жажду, если они будут пить воду жизни, которую имеет и дает только Христос (ср. Иоан. 4, 12). Христос представляет Собой единственную подлинную пищу и единственное подлинное питье для всякого человека; кто бы ни ел эту пищу – никогда не будет алкать, и кто бы ни пил это питье – никогда не будет жаждать (ср. Иоан. 6, 55, 35). А это значит, что блаженству алчущих и жаждущих правды нет конца, так как с ними – источник всех блаженств: Господь Иисус Христос. Ибо питаться Христом, жить Им, в Нем и ради Него есть верх блаженства для человеческого существа во всех мирах.

В четвертом блаженстве есть много и от первого, и от второго, и от третьего, ибо и нищие духом, и евангельски плачущие, и кроткие суть алчущие и жаждущие правды. На деле все это одна и та же обращенность устремления к Богу, которая переливается и разливается по всем четырем святым добродетелям. Блажен тот, кто ощущает, что божественной правды очень мало и в нем, и в людях его окружающих, и желает и делает все возможное, чтобы осуществить всю правду Божию в себе и в окружающем его мире. Как земля жаждет небесного дождя, так и богоподобная душа человеческая жаждет божественной правды. Если человек хоть раз серьезно заглянет в свою душу, он должен заметить следующее: мир богоподобной души бесконечен и бескрайнен, и весь он алчет и жаждет Бога и Божией правды. Только мы это редко замечаем, ибо богоподобное чувство жажды правды парализовано или пребывает в нас под наркозом наших грехов. Если же это чувство напряжением воли встряхнется, пробудится, оживет, тогда сильный голод и жажда правды Божией проявится во всех чувствах нашего богоустремленного человеческого существа. Их же может утолить и превратить в блаженство только «правда Божия»: Христос. Ибо с тех пор как Он в нашем человеческом мире, Он стал и сутью, и мерил, и проверкой всякой высшей, совершенной, божественной правды. Что такое правда? – Христос и Его евангелие, т. е. все, что Он есть, и все, как Он ощущает, мыслит и делает. А неправда? – Все, что не Он и не от Него.

Поскольку Он – воплощение абсолютной божественной Правды, Богочеловек, Он – и

мерило, и проверка всякой правды и всякого права на земле. Да, всякой правды и всякого права. Ибо только в правде по-настоящему присутствует истинное право человеческое. Люди сломались в поисках права вне правды. Они не хотят видеть, что право – только в правде, совершенное право – в совершенной Правде и Праведности – Богочеловеке Христе. Почему появились распри и войны между людьми? Потому, что люди желают права помимо правды и помимо праведности. А еще потому, что ищут правду и право там, где их нет: в людях и в вещах. Они не хотят знать, что человеческое право не может быть не от правды и не от праведности. Логика у людей настолько развращена, совесть настолько смещена, что многие искренне считают, что могут неправдой достичь правды, насилием – права, злом – добра. Такие люди по глубокой мысли богомудрого апостола «держатся истины в неправде» (Рим. 1, 18), т. е. что истина и правда осуществляются в мире при помощи лжи и неправды. Но это не самое большое зло; вот еще большее: некоторые люди настолько испорчены, настолько отвращены от естественного и обращены на противоестественное, что даже противоестественное выдают за естественное: неправду за правду, ложь за истину, насилие за право, грех за добродетель, зло за добро. И при этом упорно борются за осуществление этого в нашем земном мире.

Кто облегчит бремя человеческой жизни и претворит во благо ярмо человеческого бытия? – Он, только Он: благой Господь Иисус Христос. Ибо Он и сошел в наше земное мучилище, чтобы все муки человеческого духа взять на Себя и претворить их в блаженства. Разве не мука для духа голод и жажда Истины? Но Истина – это Он. Вот и блаженство! Всю нашу муку за Истину Он превращает в блаженство от Истины, ибо дает ее нам всю. Разве не мука для человеческого духа голод и жажда бессмертности? А Он эту муку нашу принимает на Себя и превращает в блаженство, даруя нам жизнь вечную. Разве не мука для духа голод и жажда Любви, Правды, Доброты, Мудрости, всего божественного, небесного, вечного? Но все эти муки наши Он всемирно превращает в блаженства, ибо дает все это нам в изобилии. Все это – духовная пища, которую Он один имеет и дает; это и есть тот хлеб жизни, от которого человек больше никогда не алчет, и та вода живая, от которой он никогда больше не жаждет. Поэтому только Он один мог изречь это блаженство о голоде и жажде по правде и завершить его словами: *ибо они насытятся.*

(Продолжение следует)

Боголюбивой пастве Германской Епархии

Возлюбленные о Господе братья и сестры,
чада Германской Епархии!

Советская власть как будто прекратила свое внешнее существование, но зло, посеянное ею, продолжает действовать. Ввиду перемен, происшедших в России за последние три года, мы надеялись на возможность исцеления в единой правде Божией прежних ран и разрывов, на срастание во Христе. Наша епархия не упускала возможностей вести серьезный диалог. Представители нашей епархии неоднократно активно участвовали в беседах с представителями Московской Патриархии. Выражая готовность развивать диалог в дальнейшем, мы шли до самого крайнего предела, допускаемого нашим Архиерейским Собором. Московская Патриархия, выражая на словах готовность к диалогу, на деле с высшего уровня создавала препоны к его углублению. Теперь не только мы с болью видим, но и всем должно стать ясно, что именно Московская Патриархия воздвигает все новые и новые преграды, прилагая беззаконие к беззаконию, и к старой лжи новую ложь и подмену.

Господь говорит: *Аминь, аминь глаголю вамъ; не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелезя инудѣ, той татъ есть и разбойникъ* (Иоан. 10, 1).

На территории нашей Епархии только что появился представитель Московской Патриархии, воистину «не входяй дверьми во дворъ овчій, но прелезя инудѣ», лжесвидетельствуя перед миром, облекшись в наш титул «епископ Берлинский и Германский». Я должен поэтому призвать вас к крайней бдительности во всех ваших действиях — церковных и прицерковных. *«Блюдите, како опасно ходите»*. От людей, которые, в попытках присвоить себе наши храмы в Баден-Бадене или Дрездене, не стеснялись прибегать к грубому обману*, нам, увы, приходится ожидать любых шагов в том же направлении. Им, видимо, безразлично, что своими подменами они порочат имя Церкви перед всем миром.

* «Московская патриархия совсем недавно в новом ланде, в Заксене, попыталась присвоить себе дрезденский храм обманом, причем ссылка на изменение имени (при возникшей близости наименования) была использована для фальсификации кадастровой записи. Подобная попытка обмана ранее в Баден-Бадене, оставшись безуспешной, все же привела к безвозвратной потере ценного церковного имущества (а вместе с тем и немецкого культурного имущества), поскольку Московская патриархия передала эти ценности в руки тогдашнего советского государства. Изменить в этом ничего не может и последовавшее судебное решение в пользу Русской Зарубежной Церкви» (Из заявления для прессы.— *Ред.*).

Очевидна решимость Московской Патриархии и дальше узурпировать власть над Церковью, присваивая себе право говорить от имени Русской Православной Церкви.

Ни на советской территории, ни тем более в Германии Московская Патриархия не живет в непрерывной исторической традиции общин Русской Церкви, которую сохранила как раз Русская Православная Церковь за границей со времен революции, и которая уже в 1926 году привела к созданию Русской епархии Берлинской и Германской в составе Русской Зарубежной Церкви. Последняя, будучи свободной частью всецелой Российской Церкви, во всем мире приняла на себя продолжение прав и задач Русской Православной Церкви и будила совесть мирового общественного мнения касательно варварского и коварного преследования русской православной веры со стороны советского режима до самого недавнего времени.

Московская Патриархия, напротив, — в ее нынешней форме существования и преемственности управления — плод глубокого перелома: было уничтожено более 200 епископов (среди них законные старшие иерархи) и десятки тысяч священников Русской Церкви, чтобы добиться «Декларации лояльности» (1927), а затем, после 1943 года, на основе четырех оставленных управляющими «лояльных» епископов вырастить такую вот Московскую патриархию, навязанную Русской Церкви извне и задействованную во всем мире согласно внешнеполитическим целям. Московская Патриархия утвердилась в восточной части Германии и в Берлине лишь со вступлением советских войск, а в западной Германии позже открыла незначительное число приходов.

Вместо того, чтобы, ввиду этих фактов и нынешней политической обстановки, пойти путем возможного сближения, Московская Патриархия явно видит свои цели в духе политики властвования и поэтому по-прежнему продолжает бороться против Русской Зарубежной Церкви.

Сколько бы ни было это прискорбно, но нам всем следует ясно отдавать себе отчет в том, что там, где царит ложь во внешней деятельности, тем более не может быть истины в духовной жизни. А где этого нет, там не может быть и спасения. Этот обман только лишний раз показывает, что МП еще не в состоянии вращаться в традиции Русской Церкви, которые мы не по своим заслугам, а исключительно по милости Божией, приняли от своих отцов

в вере. У МП, которую нельзя легкомысленно (согласно замыслу Сталина) отождествлять с Русской Церковью, нет ни канонической, ни духовной, ни хотя бы нравственной почвы. Поэтому ее представители и пытаются украшаться нашим именем. В течение 70 лет МП срасталась с ложью. У кормил церковной власти ныне находятся все те же архиереи, которые лишь несколько лет назад утверждали, что в России или в Советском Союзе не было никаких преследований Церкви, а теперь они вдруг вещают о своем якобы исповедническом пути. Так, ничтоже сумняшеся, применял к себе образ Иова многострадального Филарет, ныне лишенный сана и монашества, но еще вчера — местоблюститель и один из трех кандидатов в патриархи. Вместо того, чтобы отказаться от прежней лжи, они прибавляют к ней новый обман.

Призываю Вас, дорогие братья и сестры, не прислушиваться к этой лжи ни на каком уровне и не смешиваться ни с татями и разбойниками, ни с обманутыми ими малыми сими.

Путь нашей Церкви всегда был однозначным. На Христовом пути мы и должны оставаться, уповая на то, что ясность и свет привлекут и заблудших овец. А нам, видимо, предстоят новые испытания и скорби.

Мы умоляем Всевышнего Бога, чтобы Он вразумил и руководство МП и дал бы Истине торжествовать над ложью и всем остальным злом. Надеемся скоро увидеть день освобождения Русской Церкви от оков, навязанных ей безбожной властью. Мы знаем, что в России среди верующего народа и честных пастырей есть многие и премоногие здравомыслящие и по-настоящему церковные люди, не согласные с поступками продолжающих следовать путями лукавства. Надеемся, что верность Богу этих православных людей откроет в дальнейшем процессе освобождения Русской Церкви пути к истинному Всероссийскому Собору, на котором можно будет подвести итоги и положить чистое начало для обновления жизни единой нашей многострадальной Церкви. Аминь.

МАРК, Архиепископ Берлинский и Германский
В неделю Мясопустную 1993

... И еще о расколе?

Как видно из Послания архиепископа Марка «к боголюбивой пастве Германской епархии», мы должны с печалью отметить, что Московская Патриархия сделала новый шаг к углублению разрыва между двумя частями Русской Православной Церкви. Одновременно с этим мы читаем в газете «Советская Россия» от 31.12.1992 г. слова члена Синода МПатриархии, митрополита Петербургского и Ладозжского Иоанна, дающие повод думать, что не все согласны с конфронтационной линией Патриархии. Слова — явно взвешенные и разумные. Сыграют ли и они свою роль в подго-товлении Собора, упомянутого в вышеназванном послании? — Редакция

«Бесконечной темой для спекуляций является “раскол”, существующий между Русской Православной Церковью в России и за рубежом. Разделения и расколы есть, несомненно, зло. «Умоляю вас, братия, — вызывает к христианам апостол Павел, — именем Господа нашего Иисуса Христа, чтобы ... не было между вами разделений, но чтобы вы соединены были в одном духе и одних мыслях» (1 Кор. 1, 10–11).

Однако не надо причислять к изъяснам церковной жизни то, что на деле является промыслительным дарованием Божиим, благотворным и врачующим. Тут сама жизнь подтверждает нам фундаментальное положение Православного вероучения: премилосердный Господь, снисходя к человеческим немощам и нестроениям, всемогущим действием благодати Своей даже зло обращает на пользу нашу, сводя недобрые начинания к благим последствиям.

В свое время ВЧК-ОГПУ-НКВД пришлось немало потрудиться, чтобы в 1927 году раско-

лоть Церковь, противопоставив ее зарубежную часть отечественной. Но могли ли вожди боготорцев (скажем, Гершель Иегуда [Ягода]), руководивший деятельностью комиссариата внутренних дел, или Миней Губельман [Ярославский], возглавлявший Центральный совет «Союза воинствующих безбожников») представить себе, что, терзая и дробя тело Русской Церкви, они сами, своими руками создают основание духовного организма такой неодолимости и силы, что все дальнейшие усилия по его уничтожению будут напрасны?! Воистину дивны дела Твои, Господи, и премудрости Твоя несть конца...

Разделившись административно, Русская Церковь не потеряла своего духовного единства. Более того — освободившись от формальной связи с ‘подсоветскими’ структурами, зарубежная часть Церкви получила необходимую свободу для обличения зла, царившего на Родине, в России. Во враждебном инославном, иноверческом окружении русские люди на чужбине явили миру подвиг стояния во ис-

тине Православия, подвиг надежды и веры – веры в то, что придет срок, кончится мука пленения нашего, и Господь избавит истрадавшуюся Русь от ига святотатцев.

В свою очередь Церковь в России, избавившись от упреков политической нелояльности, смогла сосредоточить усилия на духовном окормлении своей паствы, шедшей путем невиданного доселе подвига – подвига всенародного исповедничества и страстотерпчества.

На многострадальной земле Отечества Церковь смиренно, но неуклонно пестовала сонмы новомучеников российских, «за веру Христову и Русь Святую от богоборцев мученический венец приявших». Церковь за рубежом обличала их мучителей, свидетельствуя миру об истинном значении того, что творилось в России.

Пастыри на Руси в тяжелейших условиях сберегли паству. Часто жертвуя собой, они

упасли «малое стадо» Христово, пронеся благодатный огонь живой, ревностной веры через испытания и муки. Зарубежное духовенство искры того же огня разнесло по всему миру, в самые отдаленные его уголки, куда вихрь социальной катастрофы забрасывал русских эмигрантов в поисках крова и пропитания.

Так и ныне разделение Русской Церкви на отечественную и зарубежную части – хоть и осталось ему существовать совсем недолго – промыслительно способствует тщательному, разностороннему и подробному рассмотрению важнейших, судьбоносных для нашей Родины и нашего народа вопросов и проблем. Грядущее же воссоединение, обобщив неповторимый духовный опыт обеих частей единой Церкви, непременно станет еще одним мощным двигателем русского возрождения».

(*“Из силы в силу”, Сов. Россия 31.12.1992*)

Из жизни Епархии

Молодежный съезд 1992

С 28 по 30 декабря 1992 г. в Обители преп. Иова Почаевского в Мюнхене состоялся очередной Молодежный съезд Германской епархии.

Съехалось около 80 участников из разных стран Европы и из России. По приглашению Архиепископа Марка приехали в качестве докладчиков двое архиереев из Румынии – епископ Геннадий и епископ Пахомий.

Первый доклад – «О жизни и деятельности Румынской Православной Церкви» читал владыка Геннадий. Особенно интересно было узнать о давлении на Церковь со стороны инославных и иноверных королей, а также некоторых священнослужителей, находившихся под их влиянием. Это давление в частности привело к неканоничному принятию гражданского календаря (нового стиля) в XX веке. Далее докладчик описал страдальческий путь Румынской старостильной Церкви за последние 60 лет.

На второй день съезда Архиепископ Марк выступил с докла-

дом: «Догматика и практика: воплощение Бога-Слова – основа духовной жизни».

В последний день владыка Геннадий говорил о духовной жизни Румынской Церкви. В связи с этим у слушателей возникло много вопросов об устройстве и уставе монастырей, о посте, о церковных традициях, сохраняемых среди верующего народа.

Все доклады вызвали оживленные прения.

Согласно традиции, съезд окончился пением акафиста преп. Иову Почаевскому.■

Владыка Геннадий рассказывает о Румынской церкви

Протокол о Румынской Старостильной Православной Церкви

В румынском мон. Слатиоара: слева – митр. Власий; справа – еп. Демосфен

На праздник Преображения Господня, как мы сообщали в «Вестнике Германской епархии» № 5/1992, в Румынском монастыре Слатиоара состоялось торжественное сослужение четырех румынских старостильных иерархов, греческого митрополита Киприана и главы нашей епархии, архиепископа Марка. В декабре делегация Румынской старостильной Церкви посетила наш Синод и некоторые приходы в США, и сослужила с нашими архиереями в синодальном храме в Нью-Йорке. Ниже помещаем выдержки из протокола № 704 от 25 ноября/8 декабря 1992 г.

Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей слушал:

Устное обращение старостильной румынской православной делегации, состоящей из Высокопреосвященнейшего Митрополита Власия, возглавляющего Румынскую Старостильную Православную Церковь, Епископа Демосфена Нямецкого и переводчика о. иеромонаха Киприана, ходатайствующих о принятии их Церкви с клиром и паствой в молитвенное общение с нашей Русской Православной Церковью Заграницей.

Справка:

1) Ранее, они прислали формальное письменное прошение от 16/29 июня 1992 г., которое было рассмотрено на расширенном Заседании Архиерейского Синода от 22 сентября/5 октября 1992 г. в городе Кливленде.

2) Тогда же было получено письмо Преосвященного Архиепископа Марка Берлинского и Германского, который сообщает о готовности Румынской Православной Старостильной Церкви и ее паствы страдать за свою веру: «... это – глубоко верующий народ-мученик». Поэтому он считает, что они заслуживают всяческой поддержки.

3) По обсуждении прошения и принимая во внимание письменный отзыв Преосвященного Архиепископа Марка, 22 сентября/5 октября 1992 г., было принято следующее решение:

Пригласить представителей старостильной Румынской Православной Церкви прибыть в США для возможного установления общения с Русской Православной Зарубежной Церковью.

На сегодняшнем же заседании, просители кратко изложили историю введения нового стиля в Румынской Православной Церкви в 1923 году и последовавшей борьбы за старый стиль, сопровождавшейся жестокими преследованиями со стороны коммунистических властей и еще более жестокими притеснениями со стороны официальной новостильной Церкви.

Далее они указали, что в 1985 году они вошли в молитвенное общение с Греческими старостильниками, которых возглавлял Архиепископ Каллист Коринфский.

Сейчас, поскольку позволяют политические обстоятельства, они ходатайствуют об установлении молитвенного общения с нашей Русской Православной Церковью Заграницей.

По всестороннем обсуждении вышеизложенного обращения постановили:

Святая Православная Церковь с самого начала своей истории переживала и переживает многие испытания, которые очень сильны в наше лукавое время и поэтому эти обстоятельства особенно требуют единения между теми, кто истинно предан вере Отцов.

В соответствии с этим Архиерейский Синод определяет:

1) Принять иерархию Румынской Старостильной Православной Церкви, как братьев во Христе, в молитвенное и богослужбное общение.

2) В день праздника Иконы Божией Матери Курской-Коренной, нашей Зарубежной Одигитрии, 27 ноября/10 декабря 1992 года в Синодальном Соборе совершить совместно Божественную литургию, во свидетельство нашего братского во Христе единения.

3) Просить Синод Старостильной Румынской Православной Церкви также поддерживать братские взаимоотношения и обмениваться сообщениями о жизни наших Церквей и, если возникнет необходимость, то поддерживать друг друга, как морально, так и молитвенно, и защищать друг друга от всяких враждебных выступлений против наших Церквей.

4) Призвать Божие благословение на клир и верующих Румынской Старостильной Православной Церкви.

5) О чем сообщить письменно Высокопреосвященнейшему Митрополиту Власию, Председателю Синода Румынской Православной Старостильной Церкви, а также оповестить об этом верующих нашей Церкви.■

О Церкви и власти — по свят. Иоанну Златоусту

Вопрос, который ставится в рубрике «Церковь и власть», легко определить как «политический», а следовательно — как думают — не чисто церковный. Но совершенно иначе оборачивается этот вопрос при внимательном чтении Святых Отцов (в этом номере мы обращаемся к великому Святителю Иоанну Златоусту). Освобождается душа от сетей нецерковности, и внезапно мы видим, что речь о самом глубочайшем духовном и нравственном выборе: что есть Церковь как Царство Божие?

Это высвобождение, восприятие Царства Божия, Церкви Христовой всегда трудно давалось — как самим Апостолам, так и всем современникам Христа, и современникам Апостолов, а позже и Святых Отцов, да и 70 лет назад, и сегодня — все та же борьба за самое ценное: истинную Церковь и в ней спасение души, которую так легко погубить. Недаром Св. Иоанн Златоуст говорит здесь о путях соединения неба с землей (см. ниже)! Недаром Господь наш, стоя как подсудимый перед Пилатом в последние часы Своей земной жизни, нарушив молчание Свое, говорит — о чем? — именно об этом! Итак: здесь речь о самом сердце Евангелия. — Редакция.

«**В**сякая душа да будет покорна высшим властям: ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены. Посему противящийся власти противится Божию установлению. А противящиеся сами навлекут на себя осуждение. Ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых. Хочешь ли не бояться власти? Делай добро, и получишь похвалу от нее. Ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся: ибо он не напрасно носит меч; он Божий слуга, отмститель в наказание делающему злое. И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести» (Рим. 13, 1–5).

Св. Иоанн Златоуст († 407 г.) устраняет столь частое злоупотребление словом «всякая власть от Бога», и объясняет: «*Нѣсть бо власть, аще не отъ Бога*, говорит (апостол). Как это? Неужели всякий начальник поставлен от Бога? Не то говорю я, отвечает (апостол). У меня теперь идет речь не о каждом начальнике в отдельности, но о самой власти. Существование властей, при чем одни начальствуют, а другие подчиняются, и то обстоятельство, что все происходит не случайно и произвольно, так чтобы народы носились туда и сюда, подобно волнам, — все это я называю делом Божией премудрости. Потому (апостол) и не сказал, что нет начальника, который не был бы поставлен от Бога, но рассуждает вообще о существе власти и говорит: *нѣсть бо власть, аще не отъ Бога: сущія же власти отъ Бога учинены суть*. Так и Премудрый, когда говорит, что *отъ Господа сочетавается жена мужеву* (Прит. 19, 14), понимает здесь, что брак установлен Богом, а не то, что Бог сочетавает каждого вступающего в брак, так как мы видим, что многие вступают в брак с дурным намерением и не по закону брака, и этого мы, конечно, не можем вменить Богу...»¹

Св. Иоанн Златоуст, конечно, не учил «богословию революции». Он подчеркивает правое исполнение долга, в противовес анархии и хаосу, и указывает, что начальник, ограждающий добродетель (наказывающий зло и поощряющий добро) вполне может

быть Божиим слугой, даже сам не ведая того. «Не говори мне, что иной употребляет власть во зло, но обрати внимание на благочинность строя и увидишь великую мудрость у того, кто в начале узаконил это... Если (апостол) узаконил это, когда начальниками были язычники, то тем более должно это быть ныне, когда мы имеем начальниками верующих»². Итак, раскрывает и разграничивает Святитель нравственные стороны единого целого как касательно личности, так и самой внутренней цели учреждения власти: «учреждение власти есть дело Божие; а то, что к ней допускаются люди порочные и пользуются ею не так, как должно, зависит от испорченности людей»³.

Христианин обязан послушанием Христу-Богу. Поэтому он обязан послушанием властителю, даже лично порочному, в том, в чем тот не пытается распространить свой порок на него. Христианин призван претерпевать неправду, но участвовать в ней он никак не может. А соучастие — грех, который требует не самооправданий, а искреннего покаяния. Потому же самому послушанию Христу христианин не обязан повиноваться власти, посягающей на Бога и добродетель. Здесь он идет путем отвержения любых форм идолопоклонства (т. е. где тварь поставляется выше Творца, в частности в мирском мудровании и человекоугодии). Для проповеди примирения со злом, в том числе и с извращением самого принципа власти, в Священном Писании и у Св. Отцов — нет места.

Мнимому «миротворчеству», противостоит толкование Святителем слов *не мните, яко приидохъ воврещи миръ на землю; не приидохъ воврещи миръ, но мечь* (Матф. 10, 34): «...тогда особенно водворяется мир, когда зараженное болезнью отсекается, когда враждебное отделяется. Только таким образом возможно небу соединиться с землею. Ведь и врач тогда спасает прочие части тела, когда отсекает от них неизлечимый член; равно и военачальник восстанавливает спокойствие, когда разрушает согласие между заговорщиками. Так было и при столпотворении. Худой мир разрушен добрым несогласием, — и водворен мир. Так и Павел

поселил раздор между согласившимися против него (Деян. 23, 6). А согласие против Навуфея было хуже всякой войны (3 Цар. 21). Единомыслие не всегда бывает хорошо: и разбойники бывают согласны. Итак брань была следствием не Христова определения, а делом воли самих людей... Не только, говорит, друзья и сограждане, но и сами сродники восстанут друг против друга, и между единокровными произойдет раздор. *Придохъ бо, говорит, разлучити челоуѣка на отца своего, и дщерь на мать свою, и невесту на свекровь свою*; то есть брань будет не просто между домашними, но даже между теми, которые соединены искреннею любовью и теснейшими узами... И хотя не Христос был причиною этого, но злоба человеческая, тем не менее говорит, что Сам Он делает это. Такой образ выражения свойствен Писанию. Так и в другом месте говорится: дал им Бог очи, чтобы они не видели (Ис. 6, 9; Иезек. 12, 2). Так говорит Христос и здесь, чтобы ученики, как выше сказал я, предварительно привыкнув к такому образу речи, не смущались и среди самых поношений и обид... Говоря это, Он показывал силу и горячность той любви, какой требовал. Так как сам Он много нас возлюбил, то хочет, чтоб и мы любили Его столько же. А такие слова и апостолов укрепляли и возвышали в духе. Если и ученики ваши, говорил Он, будут оставлять сродников, детей и родителей, то каковы, подумай, должны быть вы, учителя! Бедствия эти не кончатся на вас, но перейдут и на других. Так как Я пришел даровать великие блага, то и требую великого послушания и усердия»⁴.

Что касается власти, то в продолжении этого рассуждения мы видим тот же принцип в применении к родительской власти: «Если же Павел многое заповедует о родителях, и велит во всем им повиноваться, — не дивись. Он велит повиноваться им только в том, что не противно благочестию. Святое дело — воздавать им всякое иное почтение. Когда же они потребуют более надлежащего, не должно им повиноваться»⁵. Святитель подчеркивает: «Не просто сказал, что должно быть готовым на смерть; но готовым на смерть насильственную, и не только насильственную, но и поносную... *Обрѣтый душу свою, погубитъ ю; а иже погубитъ душу свою Мене ради, обрящетъ ю* (Матф. 10, 39). Видишь ли, как вредно любить душу более надлежащего, и как полезно ненавидеть ее? Так как требования Христа были тяжки, поскольку Он повелевал им восставать и против родителей и детей, против природы и сродства, против вселенной и даже против собственной души, — то обещает за это и награду самую великую. Это, говорит, не толь-

ко не причинит вреда, но даже принесет величайшую пользу; противное же тому будет пагубно»⁶.

Есть еще одно место в Евангелии, где сильнейшим образом проявляется нравственный суд Святителя в отношении власти. Предстоя сужающему Его Пилату, Сам божественный Законодатель — Христос раскрывает в каком смысле «всякая власть от Бога», и как никто и ничто не может освободить человека (в том числе и нехристианина) от нравственной ответственности перед Богом. Св. Иоанн Златоуст пишет: «...так как Он молчал, то Пилат говорит: *не вѣси ли, яко власть имамъ распяти Тя, и власть имамъ пустити Тя* (Иоан. 19, 10)? Видишь ли как он уже наперед осудил сам себя? И подлинно, если все от тебя зависит, то почему же ты, не найдя в Нем никакой вины, не отпускаешь Его? Когда таким образом Пилат сам на себя произнес осуждение, — Иисус говорит: *предавый Мя тебѣ болѣй грѣхъ имать* (ст. 11), показывая тем, что и он также повинен греху. А чтобы низложить его высокомерие и гордость, — говорит: *не имаша власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано было* (ст. 11), — чем показывает, что все это совершается не случайно и не по обыкновенному порядку, но таинственно. А чтобы, услышав слова: *аще не бы ти дано было*, не подумал, что он свободен от всякой вины, — присовокупил: *предавый Мя тебѣ болѣй грѣхъ имать*.

Но ведь если в самом деле дано было, то, очевидно, ни он (Пилат), ни они (иудеи) не подлежат обвинению? Напрасно ты будешь говорить это. Выражение дано здесь значит — допущено. Христос как бы так сказал: (Бог) допустил быть этому; однакож поэтому вы не чужды преступления»⁷.

Внутренние разграничения неизбывной нравственной ответственности, долга к начальнику и к Богу здесь вполне ясны. Таково и всецелое святоотеческое учение, и жизнь Святых. О том же свидетельствует и житие Св. Иоанна Златоуста, окончившего свою жизнь со словами «Слава Богу за всё!» — в далекой ссылке. Ведь посланникам царицы Евдоксии, некогда требовавшей: «Перестань противиться нам и не касайся наших царских дел, ибо и мы не касаемся церковных дел, но предоставляем тебе самому устраивать их...» Св. Иоанн Златоуст давно ответил: «Царица желает, чтобы я походил на мертвого, не замечал совершаемых несправедливостей, не слушал голоса обижаемых, плачущих и воздыхающих, не говорил обличений против согрешающих; но так как я епископ и мне вручено попечение о душах, то я должен на все смотреть недремлющим оком, выслушивать просьбы всех, всех учить, наставлять и обличать. Ведь

я знаю, что если я не буду обличать беззакония и наказывать незаконнорожденных, то подвергнусь наказанию, и потому боюсь, как бы ко мне не были приложены слова пророка Осии: *скрыша жерцы путь Господень* («скрыли священники путь Господень»). Так в греч. и церк.-слав. тексте Библии: Ос. 6, 9)... Ибо божественный апостол повелевает пред всеми изобличать согрешающего, дабы и другие имели страх... Я обличаю беззаконие, а не незаконнорожденных; никому не говорил я в лицо о его беззаконии, никого не запятнал бесчестьем и никогда не упоминал в проповедях имени царицы для обличения ее... Если же кого из слушающих мои поучения осуждает совесть за содеянные им дурные дела, то ему подобает гневаться не на меня, но на себя самого, и пусть он уклонится от зла и сотворит благое... Итак, пусть царица гневается, как хочет, а я не перестану говорить правду. Ведь для меня лучше прогневать людей, чем Бога: 'Если бы я и поныне угождал людям, то не был бы рабом Христовым' (Св. ап. Павел в послании к Галатам 1, 10)⁸.

Тому нравственному помрачению, которое прорвалось в России с революцией, противостояли российские Новомученики-иерархи и многочисленные верующие с клиром. Они же и воспротивились «сергианскому» управлению; ведь то же стирание нравственных границ породило и «сергианство».

Супротив этого оправдание «сергианского» церковного управления повлекло защитников «сергианства» по пути расцерковленного мудрования: на основании указанных в начале статьи слов Св. Апостола Павла православный христианин, якобы, «не только из страха, но и по совести» обязан повиноваться властям принципиально в «любом государстве», включая и безбожно-антихристианский режим, якобы не посягавший на самый дух Церкви (см. «Воззвание» Архиерейского Собора МПатриархии, 25-27 октября 1990). Посягнули, однако, такими утверждениями на самое Священное Писание, причем от имени целого Архиерейского Собора. Каждый из этих епископов при своем поставлении церковно поклялся толковать Библию согласно Святым Отцам, но ни один доселе не отрекся, не обличил лжеучения, провозглашенного с церковного амвона и распространявшегося в церковной и светской прессе.

Отдаем ли мы себе отчет в том, что значит такое лукавое смещение понятий, такой сдвиг духовного смысла? Церковь ублажает в песнопениях мучеников за то, что они преклонили главы под мечи — *мечемъ покорышиа выи* (слав.: «выя» = шея). Но разве за злодеяния карал их меч властей? разве не за то, что они сохраняли верность Богу вопреки «страху на-

казания», а посему «и по совести» противостояли духу лжи и богоборчества?

Совесть и сердца верующих таким лжеучением со всеми его хитросплетениями приучают к бесчувственности к толкованию Писания жизнью, ибо оно приглашает именовать Святых устами, но отречься силы их (2 Тим. 3, 5).

Безмерно трагично то, что это лжеучение провозглашается от имени Русской Церкви. Но на этом примере следует понять с какой неизбежностью произрастают последствия такого нераскаянного духовного решения: выбор сделан был давно, но вот он проявил себя еще и в готовности заградить уста Святым Отцам и Самому Христу. Какой православный христианин сможет сказать, что это произведено «полнотой Русской Церкви»?

Но вот что мы узнаем из всего этого: бывшая клевета на братьев-христиан, как ушедших в катакомбы (которых изничтожил сталинский режим) так и заграничных (против которых направлено, в частности, и это «Воззвание») привела к хуле на учение Церкви и Библию. Приписывание же этого деяния «полноте Русской Церкви» (в том же «Воззвании») — хула против имени всецелой Русской Церкви.

Тяжелым грузом давит этот выбор наш русский православный церковный народ. Это — духовная рана. Надо осознать всеобъемлющий смысл этого слова. Неисцеленная — она скрыто отравляет нас. Лишает силы в сложных отношениях с обществом и государством в нынешней России. Препятствует подлинному возрождению церковности. Закрывает многим ищущим дверь ко спасению. Придает силы иным лжеучениям, рвущимся в Россию...

Все это, конечно, допущено Богом. Однако, прельщаясь духом самооправданий и полуправд — которые тем более опасны и лживы, чем более походят на правду —, мы тоже будем «не чужды преступления».

Скорбно взирают и будут взирать на нас лики Новомучеников, доколе мы не воспримем всесердечно их выбор. Они — слава Русской Церкви, и наше исцеление. Ради этого, да не убоимся называть вещи своими именами.

Святѣи Новомученицы и исповѣдницы российстіи, молитѣ Бога о насъ!

Н.А.

¹ «Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста», в 12-ти томах, СПб 1898–1911, т. 9, стр. 774–775.

² там же, стр. 778.

³ там же, т. 5, стр. 551.

⁴ там же, т. 7, стр. 384–386.

⁵ там же, стр. 386.

⁶ там же, стр. 387.

⁷ там же, т. 8, стр. 568–569.

⁸ «Жития Святых», 13 ноября, кн. 3, Москва 1902, репр. 1968, стр. 338–339.

Епископ Нафанаил

Церковь как восстановление подлинного человека

Церковь мы исповедуем прежде всего Кафолическую. Слово «кафолический» на славянский язык переведено было святыми богодухновенными первоучителями нашими Кириллом и Мефодием славянским словом – «соборный».

Это показывает, что они, в полном согласии с таковым же пониманием вопроса всею Православной Церковью, вкладывали в слово кафолический иной смысл, нежели тот, какой обычно придает ему современный Запад, толкующий слово кафолический (католический – кафоликос) как всеобщий, всемирный, следуя определению принятого на Тридентском соборе катехизиса: «Третьим признаком Церкви является то, что она католична, т. е. универсальна, всемирна» (Катехизмус ад Парохос, 1567 г.).

На то, что Церковь понимала это слово не так, указывает то обстоятельство, что уже во II в., в так наз. письме о мученичестве св. Поликарпа, говорится о «епископе Кафолической Церкви в Смирне». Понятие о Всемирной Церкви в Смирне бессмысленно, и уже Климент Александрийский дает этому слову иное значение. Он пишет: «Мы говорим, что в существе и воззрениях, в происхождении и развитии, истинная Кафолическая Церковь есть едина согласная, как подобает, в единстве веры» (Стромата 7, 17 Р. Д. IX 552).

Нужно поэтому нам прежде всего разъяснить подлинный смысл слова соборный-кафолический. Для правильного разумения этого слова нужно нам углубиться к самым корням богословия.

Бог раскрывается нам не как единица, но как множественность – троичность в единстве: Бог Отец, Бог Сын, и Бог Дух Святой, но не три Бога, а один Бог, Три Личности, но Единое Существо.

Чем обеспечивается это единство трех Личностей Божиих?

Полной и совершенной любовью Одного Лица к Другому и полной совершенной истинностью Лиц Божиих, отсутствие какой-либо неправды, неподлинности в Святой Троице.

Это и есть истинный истонный образ кафоличности-соборности, на что указывает именование Пресвятой Троицы на церковном языке «Предвечным Троическим Собором».

Такое соборное кафолическое бытие является источником величайшей абсолютной радости и блаженства.

Чтобы к этой неисчерпаемой радости и блаженству кафолического бытия призвать и

иные существа, Бог сотворил по образу Своему различные твари.

Не мог Бог сотворить иных богов, потому что не может быть нескольких абсолютов, но Бог сотворил существа не абсолютные, однако стремящиеся к абсолютному через все большее и большее приближение к Нему, через все большее и большее постижение Бога и соединение с Ним.

В этом постижении и постоянном соединении с Богом и замечается радость тварных существ; и всякая радость, существующая в мире, является лишь отображением этой радости.

Так были призваны Богом к бытию сначала ангельский собор, а потом и человеческий род, чтобы достигать единения с Богом. Как сказал св. Василий Великий: «Я тварь, но получил задание стать Богом».

Радость и блаженство тварей не абсолютно, но все более и более увеличиваются по мере возрастания их общности с Божеством и, следовательно, приобщенности к Его радости и блаженству. Следовательно, у Бога радость бытия является состоянием, а у ангелов и блаженных людей процессом бесконечным, ибо бесконечно велики блаженство и радость Божественного состояния, к которому они приобщаются.

При этом, т. к. Бог является Существом Соборным Троичным во единице, то и сотворенные Им по образу и подобию Своему твари – ангелы и люди – не самозамкнуты, но соборны – кафоличны.

Каждый ангел является личностью, но все вместе они составляют один нераздельный Собор, подобный Божественному Собору.

Из этого ангельского Собора выпал тот ангел, который не захотел постигать Бога, приобщаться к Нему, но свободной волей избрал противоположный путь: не к Богу, а от Бога, самоутвердился, противопоставил свою волю Божией и тем себя и всех последовавших за ним обрек на отъединенное несоборное существование, лишенное всякой радости, ибо они отторгаются от источника радости – Бога.

К соборному существованию был призван и человек.

Св. Василий Великий пишет: «Общежителники (т. е. монахи) изглаждают в себе грех Адама, возобновляют первобытную доброту, потому что у людей не было бы ни разделений, ни раздоров, ни войн, если бы грех не рассек естества. Монахи суть точные подражатели Спасителю и Его житию по плоти.

Ибо как Спаситель, составив лик учеников, даже и себя сделал общим для апостолов, так и сии. Они-то и предвосхищают блага обетованного царства в доброхотном житии и общении, представляя точное подражание тамошнему жительству и состоянию. Они-то ясно показали жизни человеческой, сколько благ доставило Спасителю вочеловечение, потому что расторгнутое и на тысячи частей рассеянное естество человеческое, по мере сил своих, они снова приводят в единение и с самим собою и с Богом. Ибо это главное в спасительном домостроительстве: во плоти привести человеческое естество в единение с самим собою и со Спасителем и, истребив лукавое рассечение, восстановить первобытное единство, подобно тому, как лучший врач целительными средствами вновь связывает тело, расторгнутое на мелкие части» (Василий Великий, гл. 18 «Подвижнических уставов»).

Следовательно, как и ангелы, по Божьему замыслу, люди не должны быть отъединенными друг от друга единицами, а личностями, соединенными друг с другом единосущием, т. е., чтобы, обладая каждый своими неповторимыми индивидуальными особенностями подобно тому, как такими же неповторимыми особенностями обладает каждое Лицо Пресвятой Троицы, люди жили бы жизнью общей, соборной, а не раздельной.

Существо и личность

Прежде чем говорить далее, нужно нам представить себе, что такое существо и что такое личность, так как обычно эти два понятия сливаются. Вот что пишет по этому поводу митрополит Антоний: «В существе Божиим под понятием единого естества Божия богословие понимает духовную природу Божества, те духовные силы и свойства божественной жизни, которые приводятся в действие свободной волей Божеских Лиц. То же разумеется под естеством человеческим и под естеством каждой отдельной личности. Это разделение в нас лица и естества не есть нечто непонятное и отвлеченное, но истина, подтверждаемая самонаблюдением и опытом.

Сознавая в себе самостоятельную личность, свободу воли и свободу действий, каждый человек отлично понимает, что эта самостоятельность заключается лишь в направлении сил и свойств его общечеловеческой природы, в их специализации, развитии одних природных наклонностей и уничтожении других, в выборе между борющимися склонностями.

Но это все специализации, а основные свойства остаются общими у всех людей. Все люди мыслят по определенным законам мышления,

проходят известную последовательность при переходе от одной привычки к противоположной, не могут ходить по воздуху, прекратить дыхание и т. п. Одним словом, мы чувствуем себя наделенными известною физическою и психическою природою: эта психическая природа наша, эта досознательная человеческая воля, нам неизбежно присущая, и есть человеческое естество.

Мы живем не только личной, лишь отдельно нам присущей жизнью, но и жизнью естества человеческого, общею нам со всеми прочими людьми.

Лишь помня о существовании этого человеческого естества как реального бытия, мы можем понять учение о первородном грехе и об искупительной благодати, через которую, по Писанию и Преданию, освящается именно естество человеческое, а не просто каждая человеческая личность, взятая отдельно.

Указание на соборность людей, и при том на подобность этой соборности Троичности Божества, мы видим уже в строках Библии, повествующих о сотворении человека. При этом творении Господь говорит: «*сотворим* (не сотворю) *человека по образу Нашему* (не Моему) *и по подобию Нашему*» (Быт. 1, 26) и далее: «*и сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, мужчину и женщину сотворил их*» (Быт. 1, 27).

Не единичен Творец, не единично и подобное Ему творение. Самое происхождение человека от единого человека, от общей клетки указывает на то же.

По этому поводу св. Григорий Нисский пишет: «Ты спрашиваешь меня, как может быть Отец, Сын и Св. Дух не тремя богами, а одним Богом, если люди, например Петр, Павел и Иоанн все-таки составляют не одного человека, а трех человек? На это отвечаю, что это выражение «трех человек» неправильное: человечество одно, а различны только личности. Так – в человечестве, которое ограничено, телесно и греховно; а в Божестве, где все Лица бестелесны и неограниченны, нет никакого разделения, но один воистину Бог наш» (Послание к Авлалию).

Может быть, наилучшим образом к тому, чем должно было являться такое соборное, единосущное, но состоящее из несливающихся в безличную массу личностей – человечество, является современное представление о строении человеческого тела, состоящего из определенных клеточек, из которых каждая является отдельным организмом, вместе же составляют организм высшего порядка – человека, высшего не только количественно, но и качественно. От того, что они составляют высшее целостное единство, клеточки челове-

ского тела ни мало не утрачивают своей индивидуальной неповторимости, единственности и своей индивидуальной жизни.

Это то богоподобное соборное существо и в составляющих его личностях и во множественном единстве своем, по законам Божиим, призвано было уподобляться Богу.

Для осуществления богоподобия личностям, составляющим человеческое единство, была дана свободная воля, ибо без свободной воли не могло бы быть богоподобия и нравственной вменяемости, а следовательно и нравственной ценности в существовании человеческих личностей. А без богоподобия не было бы и радости бытия, для которой призвал Бог к жизни людей.

Однако человек, злоупотребив данной ему для обеспечения его богоподобности свободой, согрешил и тем нарушил свое соборное единство.

Впрочем, человек лишь нарушил, но не утратил вполне свое соборное единство в связи с тем, что его греховное падение не было всеобъемлющим. Человеческая, ущербленная соборность осталась в человечестве. Только благодаря ей оказалось возможным дальнейшее существование человеческого рода.

И все доброе, все истинно ценное, что есть в дохристианском и в христианском мире, имеет свои корни в этой древней, первоначальной, искривленной, но не уничтоженной соборности-кафоличности человеческого рода.

Человек и после падения, подчинив свою волю диаволу и тем противопоставив ее воле Божией, с существом, расчлененным на мельчайшие части-индивидуумы, все-таки живет не только личной, индивидуальной жизнью, но ощущает в себе возможность и другого существования – соборного.

Мы знаем в себе чувство сострадания, ведомое всем людям умение выйти из себя, поставить себя на место другого, сочувствовать ему в горести или в радости. Это осколок древнего умения человека жить не только в себе, но и в других так же, как в себе. Мы имеем способность понимать друг друга, проникаться мыслями других людей иногда настолько, что эти мысли становятся как бы нашими собственными.

Больше того, вся научная и художественная деятельность человека возможна только благодаря остаткам в нем древней соборности в ее высшей грани. Ведь основной смысл научной работы – раскрытие законов мироздания – является процессом разгадывания мыслей Божества, все большего и большего понимания Бога, а художественное творчество является раскрытием новых и новых граней, аспектов Полноты-Красоты-Бога.

Однако все эти остатки, осколки древней соборности в падшем человеке очень слабы и бессильны, подточенные грехом.

Что мешает полноте соборности?

Этот вопрос нам надо выяснить: что мешает в согрешившем человеке полноте соборности? Почему человек утратил ее после грехопадения?

Потому, что ключом соборности и внутренней движущей ее силой является основное свойство Божественное, обеспечивающее нераздельность, единство Божеского Существа – Троицы: любовь, являющаяся таким основным свойством Божиим, что св. ап. Иоанн Богослов нашел даже возможным сказать, что Бог любовь есть. По закону Богоподобия любовь долженствовала стать таковым же основанием соборности и человеческого рода, но была попорана в грехе.

Каким образом?

Вот каким: Господь дал людям заповедь, которую, имея собственную волю, люди могли исполнить, но могли и нарушить. Заповедь дана была им, чтобы человек имел возможность утвердиться в любви, которая у человека, чтоб возражать и совершенствоваться, необходимо нуждается в проявлении себя.

На собственном опыте знаем мы хорошо, как радостно доставлять радость любимому существу, исполнять его желания, как такой процесс усовершенствует наше чувство. Вот на этот-то путь и ставил Господь человека, давая ему, только лишь вступившему в жизнь, простейшую, первоначальную заповедь, наиболее соответствующую его тогдашнему неопытному, примитивному состоянию. Но человек сразу же, с первого шага, нарушил заповедь любви, не захотел выполнить единственное пожелание любящего и любимого Бога-Творца, и этим нарушил гармонию всего замысла Божия, погряз в любви к Богу, ушибил ее, а ушибив любовь, ушибил и соборность своего существа. На примерах повседневной жизни мы видим, как грех, особенно такие грехи, как гордость, разврат, злоба и т. д., продолжают вредить соборности: порочные и преступные люди утрачивают интерес друг к другу, интерес к взаимообщению – этому проявлению соборности, теряют умение жить жизнью других, замыкаются в самости, которая является противоположностью соборности.

И, наоборот, примеры наилучшей в естественном состоянии соборности являют нам именно люди, которые наилучше сохранили любовь: любящие супруги, родители и дети, искренние друзья и т. п.

Эти остатки соборности – только они – обеспечивают в жизни человека остатки радости,

ради которой призвал Господь человека к бытию. Но поскольку ущерблена соборность, ущерблена и радость человеческой жизни.

С умножением греха в человеке исчезла далее и его соборность.

За умножение беззаконий иссякала любовь.

Жизнь же без соборности, без единения с Богом и друг с другом, из источника радости превращалась в источник мучения, в бессмыслицу. И таким образом, по вине человека, план Божий — сообщение радости бытия наибольшему количеству существ, способных к этой радости, — превращался в свою противоположность.

Человечество предпринимало гигантские усилия, чтобы выйти из этого нестерпимого состояния. Но все попытки в этом направлении были тщетны.

Самые совершенные системы философов, при углублении и проверке, наталкивались на коренную человеческую испорченность, на то, что даже самые лучшие, самые любящие и самоотверженные люди, в той или иной форме, в конечном результате, предпочитали свои интересы интересам других, утверждались в самости, ибо самость в павшем человеке оказывается всегда сильнее проблесков поправленной грехом соборности.

В этом отношении может быть наиболее трагична и показательна история величайшего философа древности Платона, начавшего с привлекательнейшей светлой проповеди высоких идеалов, а окончившего отвратительной утопией своих «Законов», причем эта эволюция была не результатом случайного его нравственного падения или снижения, а неизбежным результатом лучшего знакомства Платона с человеческой природой, с ее противоборствова-

нием добрым устремлениям.

Но бессильными остановить человеческое падение, вернуть его к исконному блаженному соборному существованию, оказались не только моральные попытки языческих философов, но и старания пророков и законодателей, посылаемых Богом. Моисеев закон и проповеди пророков не вернули людям утраченной гармонии и радости, но лишь задержали процесс упадка и позволили сохранить и выделиться в человеческом роде отдельным чистейшим росткам. В среде же основного множества последователей Моисея и пророков их система в значительной степени закономерно, в результате обладания ею падших людей, выродилась в тяжелое безблагодатное и безрадостное иго.

Положение казалось безнадежным. Ни один человек, какой бы нравственной красоты он ни был, не мог спасти человечество.

Да это и понятно: происходя всецело, всею душою и телом, от согрешившего Адама, все люди и в теле и в душе имели только то, что было в Адаме, и следовательно не могли не делать того же, что и он: т. е. не выдерживать испытания и падать в грехе. Эта поврежденность человеческой природы и называется на церковном языке первородным грехом.

Чтобы избавить от него человечество, нужно было, чтобы в человека, в его внутренний мир, в душу и тело его, не нарушая и не разрушая его состава (т. е., чтобы человек не перестал быть человеком), вошло бы нечто новое, независимое от Адама, следовательно не связанное с первородным грехом.

Это мог сделать только Сам Творец природы человеческой.

(Продолжение следует)

Чудотворная Икона Божией Матери Курская Коренная приезжает в Германию

Предвиденный на февраль приезд Одигитрии Русской Православной Церкви Заграницей, Чудотворной Иконы Божией Матери Курской Коренной был отложен в связи с необходимостью отдать икону на это время в Южную Америку. Теперь нам обещают, что Икона приедет в Европу на Архиерейский Собор, который должен состояться после Пасхи во Франции, в Леснинском монастыре. Это означает, что мы можем ее ожидать на время от 23 мая до середины июня 1993 г. Точное расписание разъездов священнослужителей с Иконой по разным городам будет разработано в епархиальном управлении и сообщено приходам.

Книжечки с описанием истории Чудотворной иконы можно заказывать в монастыре преп. Иова Почаевского в Мюнхене:

Kloster des Hl. Hiob Schirmerweg 78 8000 München 60.

Новомученики и Исповедники Российские

Экклезиология архиепископа Андрея, Уфимского
(кн. Ухтомского)

*И когда они кончатъ свидѣтельство
свое, звѣрь, выходящій изъ бездны, сра-
зится съ ними, и убьетъ ихъ, и трупы
ихъ оставитъ на улицѣ великаго города,
который духовно называется Содомъ и
Египетъ, гдѣ и Господь нашъ распятъ.*

(Апок. 11, 7–8)

История Вселенской Церкви имеет целые эпохи, определявшиеся в полноте теми догматами, что обсуждались повсеместно или вызывались к жизни естественным образом. Мы знаем эпохи споров гностических, тринитарных, христологических, пневматологических и т. д., — ныне, а теперь сие очевидно, имеет место быть эпоха споров о догмате сущности Церкви, прикровенно сформулированная еще свв. Отцами в Символе Веры: «Единая, Святая, Соборная, Апостольская». И, конечно, последствия сих споров, — весьма проявившихся в форме расколов и ересей, — мы ощущаем на себе, даже более того — подобные вопросы встают даже у инославных.

Бессмысленно и вредно уподобляться попугаям, повторяя катехизические истины и тем останавливаясь и не желая постигнуть догмат. Многие, лукаво именуяющие себя «православными» и повсеместно цитирующие катехизические формулировки, явно или тайно искажают экклезиологическую истину. Также весьма печальны всякие общие философские разглагольствования на сии тонкие темы. Оба вышеизложенные пути — погибельны, ибо истинное проникновение в догмат о Церкви — Единой, Святой, Соборной, Апостольской — может быть только духовно-опытным путем. Именно такое проникновение в понимание экклезиологического вопроса отражено в многочисленных письмах, посланиях и записках св. новомученика и великого Отца Российской Церкви XX века архиепископа Андрея Уфимского.

Экклезиология архиеп. Андрея сформировалась отнюдь неотвлеченно, но всею своею жизнью и служением, а позже и в полемике. Несомненно, что по многим вопросам на воззрения архиеп. Андрея оказал влияние его духовник, сам крупнейший богослов, митр. Антоний (Храповицкий). В отличии от св. Кирилла (Смирнова) митр. Казанского¹ архиеп. Андрей достаточно часто употреблял примеры из Св. Писания (даже тексты из Апокалипсиса), трудов свв. Отцов или православных

богословов или указывает на исторические прецеденты. Также нельзя делать упор исключительно на полемику с митр. Сергием (Страгородским), ибо архиеп. Андрей видел причины гораздо глубже и его твердые экклезиологические воззрения полемизируют вначале с святым патриархом Тихоном (Белавиным), а позже с святым новомуч. Петром (Полянским) митр. Крутицким.

Одним из первых (послереволюционных) посланий, сохранившихся до сего времени, где видны экклезиологические мнения архиеп. Андрея, есть его июньское Послание 1924 г. «Всем — везде. Письмо к православным христианам о новых церковных нестроениях». В нем он, различая всякие течения, призывает церковный народ не принимать назначаемых им епископов и пресвитеров (тем паче неизвестных им по жизни), а избирать после испытания их веры, жизни, нравственности, и критически высказывается в отношении патр. Тихона, который 19.05.1924 г. подписал соглашение с представителем «Живой Церкви» Красницким. Очевидно, что идейный конфликт более глубок, нежели можно судить поверхностно. Еще в 1918 г. у патр. Тихона появились странные мнения, кои архиеп. Андрей не мог принять ни под каким видом, ибо придерживался твердого понимания, что «Церковь держится не дипломатами, а мучениками», путем коих последовал за многими архипастырями и сам. Патр. Тихон заявлял следующее: «Я слышал, что Братство объединяет людей, готовых на подвиг исповедничества, мученичества, готовых на смерть. Русский человек вообще умеет умирать, а жить и действовать не умеет. Задача Братства не только в том, чтобы воодушевлять на мученичество и смерть, но и наставлять, как надо жить, указывать, чем должны руководствоваться миряне, чтобы Церковь Божия возрастала и крепла. Наши упования — это жизнь, а не смерть и могила»². Архиепископ Андрей в вышеуказанном Послании выражает мысль, что «Глава Святой Церкви Христовой — Сам Иисус Христос, а не папа Римский, и не патр. Московский, и не Тихон, и не самозванец Евдоким». Посему он, помня о переговорах патр. Тихона с обновленцами, призывает: «Мы же, христиане, должны беречься, как заповедовал нам Господь наш (Мк. 13, 22), чтобы не впасть в соблазн. Верьте только Единому Безгрешному Господу Спасителю во св. Евангелии и ищите

Его в своей чистой совести. Чистая совесть Бога узрит (Мф. 5, 8)». Более того, его слова распространяются дальше: «Молитесь, чтобы наш Патриарх Тихон по своей доверчивости не наделал ошибок. Будьте осторожны против его ошибок. Молитесь за него, но предупредите его, что за его ошибками православные христиане не пойдут. Поэтому пресвитеров и епископов из Москвы не принимайте, а избирайте себе тех, кто вам известен доброю жизнью и светлым разумом»³. То есть уже в сих местах четко выражена одна – наиболее яркая – особенность экклезиологии архиеп. Андрея: свобода. Такой дух свободы был многим непонятен и чужд, но именно свобода проявляла истинную соборность, столь искомую.

Как в богословии, так и в практике архиеп. Андрей осуществлял свои воззрения весьма твердо: так Уфимская Епархия (на основании Указа № 362 от 7(20).11.1920 г.) была объявлена автокефальной, чем более-менее оградились от многих нестроений. Также следует принять во внимание, появившееся в связи с арестом патр. Тихона, Послание от 18.5.1922 г. Агафангела (Преображенского) митр. Ярославского: «Лишенные на время высшего руководства, вы управляете теперь своими епархиями самостоятельно, сообразуясь с Писанием, церковными канонами и обычным церковным правом, по совести и архиерейской присяге впредь до восстановления Высшей Церковной Власти. Окончательно вершите дела, по которым прежде испрашивали разрешения Св. Синода, а в сомнительных случаях обращайтесь к нашему смирению»⁴. Нами уже указывалось выше одно из принципиальных требований архиеп. Андрея: выборность епископов и клира народом, что есть истинное и свободное единение. Но, помимо сего, сам архиеп. Андрей считал: «Я остаюсь Епископом для тех, кто меня признает своим Епископом, кто меня кормил шесть лет, пока я был в тюрьме, и кому я нужен» («Ответ на Обращение пастырско-мирянского Собрания от 26.3.1926 г.»)⁵. То есть по мнению архиеп. Андрея соборность возможна лишь при любви и свободе, а не административно или насильно. Сей этап уже относится к полемике с митр. Петром Крутицким. Так, например, в «Ответах на вопросы на Собрании благочинных от 3.7.1926 г.» архиеп. Андрей на вопрос о признании православными и правомочными правящий епископат Российской Церкви, отвечает, что «в православии “епископата” нет, а имеются только епископы, неразрывные с народом и немислимые без народа»⁶. В отношении митр. Петра мнение довольно жестко: «я не считаю митр. Петра

человеком способным понимать церковную жизнь; это человек попавший в монахи “по сокращению” на советской службе и способен церковную жизнь только путать». (В другом документе архиеп. Андрей называл митр. Петра «московский самодержец в духовном сане, с помощью долгих и сложных шахматных ходов занявший это место»⁷, причем он «отказался признать Петра в апреле 1925 г. самодержцем... ..то и в октябре этого года я не признал, разумеется, и его запрещения»⁸.) Далее архиеп. Андрей говорит: «Я при всем желании не могу признать над собою, как епархиальным епископом, чье-либо руководство впредь до канонического Собора. Я очень твердо знаю свои канонические обязанности, чтобы не забыть своих прав оберегать свою паству от всякого недостойного “епископата” и от всяких темных сил, расхищающих наше духовное стадо. Кроме этих соображений, я, в силу 76-го Апост. правила и 23-го правила Антиохийского собора, не могу признать передачи управления всею Церковью по какому-то тайным завещаниям духовным. Эта игра в завещания совсем неканонична»⁹. Из всего вышеизложенного видно, что для архиеп. Андрея Церковь мыслится, согласно Символу Веры, Единой и Соборной только при условии полнейшей свободы ее членов, причем каждого индивидуально. Именно посему авторитет Патриарха, Синода и даже постановлений Всероссийского Собора блекнут перед авторитетом Древних Соборов и свободного мнения его клира и народа. Когда единство и соборность Церкви в опасности, архиеп. Андрей готов на полную автокефалию (самостоятельность) и на непризнание никого над собой впредь до канонического Собора, что сообразно мнению прот. Михаила Польского о принадлежности Верховной Церковной Власти в эпоху церковных нестроений всему епископату Российской Церкви¹⁰.

Монах Амвросий (Сиверс)

(Продолжение следует)

¹ Экклезиология св. Кирилла (Смирнова) митр. Казанского. «Вестник Германской Епархии», № 1/1991, стр. 12.

² Левитин А., Шавров В. История русской церковной смуты. Москва, 1963, т. 1, стр. 61.

³ Зеленогорский М. Л. Жизнь и деятельность Архиепископа Андрея (князя Ухтомского). Москва, 1991, стр. 181.

⁴ Регельсон Л. У истоков церковной свободы. Москва, 1975, стр. 69.

⁵ Зеленогорский М. Л., стр. 182.

⁶ Там же, стр. 190.

⁷ Там же, стр. 199.

⁸ Там же, стр. 200 «История моего старообрядчества».

⁹ Там же, стр. 194.

¹⁰ Прот. Михаил Польский. Каноническое положение высшей церковной Власти в СССР и за границей. Джорданвилль, 1948, стр. 34.

Святые Новомученики Российские

Игумен Варсонофий и организация тайной Церкви*

Для совершенного удостоверения в истине и во избежание каких бы то ни было самочинных действий, была налажена связь с Москвой, Петроградом и иерархами авторитетными в Церкви. Поездкой, письмами или нарочито посланными лицами получались сведения, устные и письменные послания таких иерархов, как митр. Иосиф Петроградский, митр. Агафангел, митр. Кирилл Казанский, архиеп. Серафим Угличский, архиеп. Дмитрий Гдовский, еп. Дамаскин Черниговский, еп. Василий Полтавский, еп. Виктор Воткинский, еп. Алексей Воронежский, еп. Иерофей Велико-Устюжский, и др. епископов и священников. Были получены копии писем даже от самого местоблюстителя патриаршего престола митр. Петра Крутицкого, в которых сей иерарх, ясно и просто раскрывая незаконность действий митр. Сергия, в некоторых письмах с христианской любовью умоляет митр. Сергия отстраниться от предпринятого им пути. Пишущему эти строки приходилось самому слушать и читать эти письма с несомненным доказательством их достоверности.

Все это совершенно утвердило взятый путь, и о. Варсонофий решительно при посредстве многих верующих, как в самом Харькове, так и в районах бывших его приходов и в других местах, поддерживал верующих различными способами: письмами или личными свиданиями. Таким образом по мере усиления гонений, в связи с декларацией и почти совершенной ликвидации видимости Церкви, не признававшей митр. Сергия, вокруг о. Варсонофия организовалась община, которая им всякими способами конспиративно и обслуживалась. Она состояла не только из местных жителей, но и из периодически приезжавших из отдаленных мест: с Донбаса, Кубанской обл., Полтавской, Херсонской, Одесской обл. и даже из Белоруссии. Впрочем ему и самому иногда удавалось получать разрешение на выезд для посещения родственников.

Деятельность о. Варсонофия в это время значительно расширилась. Он был как бы центром известного круга церковного: его посещали и духовенство разогнанных монастырей, священники и иноки, и инокини и миряне всякого возраста и звания. Все шли: кто получить утешение в скорбях, кто по церковным делам, кто для личного духовного наставления.

Шли люди, знавшие его по местам его прежнего служения, шли люди верующие и

из других мест. К нему также стремились и молодые души юношей и девиц, пленяясь его словом и красотой его духовной жизни, изъявляли готовность стать на путь богоугодной жизни под его руководством. Таковые с его благословения жили иногда и группами, руководясь в своей жизни его советами. Однако никого не ставил он в рамки особо предписанных правил. Всем желавшим жить богоугодно давались правила общецерковные: утром – утренние молитвы и полунощница, в обед – часы, вечером – повечерие с вечерними молитвами. Более ревностным благословлял о. Варсонофий следовать уставу всего богослужебного круга. Несмотря на распространявшееся в то время т. наз. тайное монашество, о. Варсонофий из желающих никого не постригал, и вообще не одобрял подобного рода монашество. Известен только один его постриг послушницы Хорошевского мон., жившей в повиновении старшей монахини. Писавшему сие он говорил: «для служения Церкви, тебе необходимо, хотя бы пару лет побыть в монастыре». Однако всем своим духовным чадам, склонным к монашеской жизни, он давал наставление стремиться жить по монашески: молиться, поститься согласно устава, удаляться от несоответствующего общества, не есть мяса, а у чужих не подавать вида, что не ешь. И вообще своим духовным чадам, особенно где не было поблизости православной церкви, что стало почти повсеместно, он благословлял по праздникам совершать положенные уставом богослужения, как то: вечерню, утреню, часы, изобразительную, также чтение поучений, все, что допустимо для мирян, без произношения иерейских молитв. Читались положенные Апостол и Евангелие. И таковые моления с пением и чтением, совершались иногда даже при большом стечении молящихся, чаще всего ночью, на квартире у кого-либо из верующих. Устраивались поминовения усопших, а был случай даже погребения. Сами провожали с пением Трисвятаго и проч. О. Варсонофий одобрил этот поступок и заочно отслужил отпевание.

Однако ГПУ не дремало. Были обнаруживаемы и скрытые богослужения и воззвания и письма, определявшие отношение всех этих лиц к декларации митр. Сергия. 1 января 1931 г. был произведен повсеместно в одну ночь массовый арест остававшихся еще на свободе редких епископов, прочего духовенства и даже мирян, проявлявших в этом направлении какую-то деятельность. Был аресто-

* Окончание. Начало см. «Вестник» № 6/1992.

ван и о. Варсонофий. Остались на свободе редкие единицы и то больше из тех, кто совсем скрылся. В Харькове были арестованы уже упоминавшиеся прот. Григорий С-кий и проч., епископ Павел (Кратиров), Ново-Московский (умерший в Харьковской тюрьме) и другие.

Арестованные на сей раз подвергались многим и разнообразным пыткам. Более всего практиковалось многосуточное лишение сна: люди пребывали в таком состоянии по 5, 10 и даже до 20-ти суток подряд, на ногах или сидя под наблюдением сменяющихся часовых. Мучили человека дни и ночи, пинками или даже штыками подымая его и не давая ему задремать. Некоторых лишали передач, других избивали, иных держали в мучительных одиночках, или в неимоверной тесноте, в почти герметически закрытых в летнее время набитых до отказа камерах, иногда в холоде. Так же не давали ничего есть, а потом сытно кормили и не давали воды, инсценировались расстрелы и проч. многое (пишущий эти строки, помимо того, что пришлось видеть и слышать, и собственным опытом извещал кое-что из этих пыток).

Целью всех этих пыток было добиться от арестованного желаемых и выгодных для НКВД ответов, ведущих к намеченной определенной цели: создать фиктивную контрреволюционную политическую организацию и в нее втягивать возможно больше лиц. Для этого им нужно было иметь всяческие нужные им сведения, пусть о вещах и не существовавших, и для этого они мучили свои жертвы: был ли там или там, кто там еще был, был ли у вас такой-то, что говорили, читали. Или: вы, как уже обреченный, чистосердечно сознайтесь, раскройте к/р. организацию и вы себя спасете и т. д. В том душевном состоянии, которое достигалось выше упомянутыми пытками, вызывали в любое время дня и ночи и забрасывали подобного рода вопросами. Если ничего не добивались то, продолжая пытки, доводили до невменяемости, и в таком состоянии на допросах с угрозами заставляли самого писать под диктовку или просто подписывать приготовленный протокол. Если и этим не достигалось желаемое, сыпались снова брань, пинки, игра револьвером у самого носа, инсценировали расстрел, усиливались угрозы: «Будешь стоять до самого пришествия Христова», «повесим вниз головой и еще не это с тобой сделаем» и т. п. «Твое преступление таково, что все равно расстрел неизбежен, но ты еще можешь себя спасти, — мы ждем чистосердечного раскаяния». И тут же предлагается способ спасения, раскрой к/р. организацию, или просто сделайся нашим человеком, «можете молиться и проч., мы Церковь не гоним»...

Все эти горечи кончались тем, что все получали разные сроки ссылки в концлагеря в разные отдаленные места, (по тогдашним законам не превышавшие еще 10 лет). Обычно, лицам серьезного значения, эти сроки, накануне самого освобождения, добавлялись новой порцией или вольной ссылкой в непроходимые места. На прежнее место редко кто возвращался. Немало умирало в невероятно трудных условиях. Иг. Евстратий и Макарий, по рассказу очевидца союзника мирянина, вернувшегося в Х., скончались в крайне тяжелых условиях Свирь-лагеря, показав при всем этом истинно христианское мужество, без малейшей уступки безбожникам даже до смерти. О. Григорий С-ий получил 10 лет ссылки в Темниковские лагеря, а потом перевезен на Беломорлаг. О. Варсонофий получил 5 лет в Темниковские лагеря, перевезен был в Саровский концлагерь, и помещался в самом главном храме.

Замечательно было поведение о. Варсонофия в тюрьмах и лагерях, пишущим наблюдаемое. Он совершенно искренно говорил, что тюрьма для него некая духовная школа. Он принимал заключение в ней как возможность духовного совершенствования, без страха и с благодарностью Богу.

Вследствие существовавшего обычно озлобления против духовенства, о. Варсонофия нарочно помещали в камеры отъявленных рецидивистов — постоянных уголовных преступников, потерявших, как будто, всякое человеческое чувство, бандитов, убийц, воров и проч. И вот истинно христианское поведение, достойное своего звания, часто укрощало и этих зверей в человеческом облике. Некоторые из них так привязывались к батюшке, что даже по разлучении искали как бы связаться с ним перепиской или иным способом. В самой камере он вел себя как священник и монах. Невзирая на шум, крик, неимоверную ругань, тяжелый дым от табака, он часами простаивал на молитве с четками, как бы не замечая окружающей его обстановки. Передачи, если таковые бывали, он делил со всеми. Не снижаясь до той среды, в которой он был, но и не презирая ее, он заставлял всех смотреть на себя, как на истинного служителя Божия. В лагерях, невзирая ни на какие прещения, он принципиально отказывался от какой бы то ни было работы и всячески не давал изменять свой внешний вид: только насилием с побоями его остригали и снимали бороду.

Находясь постоянно в таких тяжелых условиях, он никогда не унывал, все время посвящая молитве. Он находил и друзей и многих утешал. Пишущий сам испытал это.

В тяжелых условиях заключения, первое время особенно тяжело бывает и находит такая тоска, что некоторые бросались и ударялись лбом в стенку, чтобы болью физической заглушить ночь уныния, особенно если нет веры в Бога. И в такие моменты мне приходилось встречать батюшку как в тюрьме, так и в концлагере: при одном только получении благословения от него на расстоянии, не говоря уже — при личном свидании, гора уныния сваливалась и овладевало радостное чувство. Его одухотворенный светлый внешний вид и ласковое обращение всегда привлекали к нему людей верующих, и создавался кружок своих верных, и все вместе друг другу помогали, переносили трудности лагерной жизни.

В первый срок этой лагерной жизни, будучи перегоняем из лагеря в лагерь, находясь в невероятных условиях, он едва не скончался от тифа. В Сарове был накрыт и избит до полусмерти и к моменту выхода из лагеря стал совершенно сгорбленным инвалидом, не могущим передвигаться без помощи костылей. Трудно было узнать сравнительно еще не старого, стройного, высокого батюшку о. Варсонофия.

Вследствие его инвалидности и по знакомству родственников с властями в Харькове, по окончании срока ему удалось вернуться в Харьков. Внешне он изменился, но внутренне остался тем же. И не теряя ни минуты принялся за дело, свойственное его званию: спасения душ людских. Опять и у себя на квартире, и у других совершал он богослужения ночью, приобщал, назидал беседами, укрепляя остававшихся верующих, к тому времени уже сильно угнетенных обнаглевшим безбожием. Гонение доходило до того, что нельзя было в кооперативных домах, да и в частных небезопасно, держать иконы; служащим советских учреждений рискованно было заглянуть в церковь, где-либо публично перекреститься, не говоря уже о требах, потому что даже погребения и то отправлялись особым советским чином, с музыкой и красными флагами. В семьях нередко дети, научаемые в школах, преследовали родителей за исполнение религиозных обрядов и т. п.

Не изменяя ранее внешнего вида священника ни при каких обстоятельствах, теперь, уже после 1935 года по причине крайне развившегося преследования духовенства, так что едва ли можно было священнику пройти или проехать в присущей его сану одежде незамеченным, о. Варсонофий для достижения главной цели — укрепления верующих —, снимает священническое одеяние и приобретает вид старика в обыкновенной русской длинной рубахе, подпоясанной поясом. В таком виде

он смог до некоторого времени незамеченным посетить целый ряд верных своих чад, как в прежних своих приходах, так и в других местах: на Кубани, Донбассе, Белоруссии, в некоторых городах Украины и наконец в Одессе. Главная цель посещений — это совершение таинства божественной литургии, исповедь и причастие. Собирались на эти службы только свои верные, зная друг друга и передавая подобным же.

Пишущему эти строки пришлось быть свидетелем одной из таких поездок батюшки о. Варсонофия, совершенной несколько раньше этих лет. И там на окраине города, в доме, находящемся в глухом месте и огражденном высоким забором (но бывало это и в самом центре города), батюшка о. Варсонофий исповедовал в течение двух дней, и ночью, сколько сил хватало, приходящих людей, которые друг другу передавали о его местонахождении. Не было ему времени и поесть. Подобного рода обслуживание верующих совершалось и другими священниками в разных городах и по-разному. Некоторые проживали на одном месте, вне какой бы то ни было регистрации, о них только знала семья, в которой они жили, и те близкие, которые приходили на богослужения, совершаемые иногда и в подземельи, где устраивалась церковь. Такой священник был в Харьковской области. Также в Донбассе. Известен был священник, ходивший с точильным станком и таким способом общавшийся с людьми верующими. Известен один архимандрит, вернувшийся из концлагеря, он заделался печником (делал в домах печи, плиты и пр.) и таким способом общался и обслуживал верующих. Были и другие подобного рода служения.

В одной из такого рода поездок в 1936 г. в Одессе о. Варсонофий был выслежен, арестован и там же в Одессе посажен в тюрьму, с лишением каких бы то ни было возможностей сношения с внешним миром. По окончании следствия он, уже полный инвалид, был осужден, тогда уже НКВД, на новый концлагерь в Колыму (самая холодная часть Сев.-Восточной Сибири на берегу Ледовитого океана). Неизвестно на какой срок, но такие осуждения делались предусмотрительно с расчетом невозможности возвращения.

О. Варсонофию туда даже и доехать не пришлось. Никаких сведений об этой длительной и тяжелой поездке в арестантских вагонах не имеется. Но удалось узнать, из рассказа случайного очевидца, описавшего вполне подходивший к нему вид, что он скончался на Камчатке, не доехав до Колымы. Никаких подробностей о его кончине нет.

В течение своего священнослужения в период советской власти, он подвергался аресту до 25 раз. На всех допросах вел себя бесстрашно, с достоинством Божия служителя. В трудные моменты, как сам он рассказывал, он молчал, молясь внутренне до тех пор, пока не получал внутри себя ответ, и не обращая внимания на разъярившегося следователя, давал соответствующие ответы, разрушая все ядовитые заигрывания изощренных в коварстве следователей, которые, иногда меняя тон, восхваляли подобного рода прямых и мужественных исповедников.

Пишущий эти строки был в ближайшем общении с о. Варсонофием не только во время его деятельности на свободе, но частично и в тюрьме и в концлагере. Многое позабыто и никогда в голову не могло придти, живя в атмосфере, в которой, не только писать, но говорить наедине страшно было о чем-либо не советском, (ибо, как говорили, и стены передают в ГПУ), что доведется когда-либо свободно говорить о подобных делах и даже писать.

После столь продолжительного времени трудно выразить во всей силе и красоте многое из действительно мученически-исповеднического пути о. Варсонофия. Главное у него

было то, что заповеди Божии, св. каноны Церкви, были непреложною истиной, которая не должна допускать никаких уступок. Не только в церковной истине, в высшем значении этого слова, но и в частных требованиях, в приходской жизни, никакие мольбы не могли заставить его нарушить установленные Церковью законы о браках, о погребениях, напр. самоубийцы, или инославного и т. п.

Были у него и достойные внимания внутренние личные духовные переживания. В концлагере в Сарове, после избения, Господь сподобил его великой милости внутреннего духовного озарения. Также во время тяжелой болезни он как бы переселился в иной мир и имел целый ряд видений, о которых рассказывал, как о несомненнейшем уверении будущей жизни; были и другие во время совершения литургии. К сожалению, в эту область личных духовных переживаний, трудно было проникнуть писавшему, тогда еще молодому человеку.

Память об о. Варсонофии не должна изглаживаться. В России мы бы имели возможность собрать гораздо больше о нем сведений.

Господь да упокоит душу его в небесных селениях!■

Архимандрит Леонид Кавелин

Последние русские православные пустынники (1745–1820) - продолжение* -

Статья 3

Старец иеромонах Адриан и его ученики:
Варнава, Василиск, Зосима... (1746–1775)

Второй период пустынножительства сперва в Брянских, а потом в Рославльских лесах ознаменовал своим именем и делами иеромонах Адриан (в схиме Алексей), также из иноков Площанской пустыни.

Вот что поведаёт о сем старце ученик его иеромонах Иона в своих записках: Адриан родился 1722 года в Пермской губернии, Соликамского уезда в селе Орле, от благочестивых и благородных родителей Иоанна и Марфы Блинских, и при крещении наречен Василием. Пришедши в совершенный возраст, Василий вступил в военную службу и в продолжении 24 лет проходил ее с честью. По ходатайству преосвященного Иннокентия, епископа Псковского, получив увольнение в отставку, он от-

правился в Орловскую епархию для поступления в Площанскую пустынь. Строитель Площанской пустыни иеромонах Иоиль принял его с любовью и определил в поварню. В это же самое время, в число братства, принят был и некто Иоанн, из Болховских мещан, на которого возложено было послушание в пекарне. Оба подвижника, в продолжение четырех лет, проходили свое послушание с великою ревностью: их смирение служило украшением обители; они сблизились по духу и положили между собою обет – нести вместе все скорби монашеской жизни. Василий горел желанием пострижения; но так как в то время во всей Орловской епархии не было монашеских вакансий, то он и решился, по благословению настоятеля, перейти в московский Симонов монастырь; это было в 1772 г.; через два года он был пострижен и наречен Адрианом; а в 1775 г., Адриан в сане иеромонаха, возвратился в Площанскую пустынь.

Благочестивый инок Адриан давно чувствовал расположение к пустынному житию; после принятия ангельского образа душа его еще

* Начало см. «Вестник» № 6/1992, стр. 20.

более возжелала безмолвия; и он с соизволения Строителя, в том же 1775 г., оставил общежитие и поселился в лесу. Вышедши из обители с Иоанном и двумя послушниками, он направил свой путь в дремучие и непроходимые в то время леса Брянские. Долго бродили пустыннолюбцы, ища удобного прибежища для безмолвия; наконец Господь указал им место, окруженное густою чащей деревьев и орошаемое чистою водою. Оно принадлежало одному благочестивому помещику, который принял отшельников с любовью и успокоил их во всем потребном для мирного их пребывания.

Возблагодарив Господа за великие Его милости, Адриан благословил своих спутников изготавливать материал для келий, а сам на другой же день отправился в монастырь: ему нужно было возвратить лошадь, которую дал им Строитель, чтобы перевезти их поклажу. Иона и два послушника принялись за рубку леса, и в продолжение трех недель заготовили достаточное количество материала для начатия постройки. Время шло, а старец не возвращался. Послушники возроптали и хотели было возвратиться в монастырь; но Иона уговаривал их терпеть, утешая надеждою, что любвеобильный старец не бросит их одних подвизаться на новом для них поприще.

Была полночь. Послушники грелись около разведенного огня и вспоминали о старце. Иона, по обыкновению, утешал их. Вдруг послышался издали стук, как будто кто-то ударяет палкою о палку. Устрашенные послушники думали, не разбойники ли это, и прислушивались к стуку, который становился все ближе и ближе; наконец они услышали человеческий голос, и с радостью узнали в нем голос старца, который, потеряв дорогу, ударами жезла давал знать о своем возвращении; они немедленно откликнулись и продолжали откликаться, доколе Адриан нашел искомую тропинку и достиг желаемой кущи. При свидании с ним радость учеников была неизъяснима, и они все поспешили принести ее Тому, Который есть источник всех радостей земных и небесных.

По возвращении в пустыню Адриан, видя заготовленный материал, пригласил из соседней деревни плотников, которые и поставили для них хижину.

Поселившись в ней, старец постепенно приучал своих учеников к подвигам и лишениям пустынножительства, утешая их надеждою на будущее воздаяние. Сначала ученики неохотно переносили суровость избранного ими подвига и упали духом; но, подкрепляемые словом и примером Адриана, вооружались терпением и привыкали к искушениям. Через год, когда ученики довольно привыкли к пустынным лишениям, старец возложил на них следующие пра-

вила: 1) в пустыни употреблять сухоядение, а в миру соблюдать устав монастырский, и 2) из мира ничего не приносить в пустынь, а если и предложат что, принимать со смирением и отдавать первому, встретившемуся на пути; если же никто не встретится, данную вещь полагать на дороге с молитвою, чтобы нашедший пользовался ею без всякого сомнения. Ученики смиренно покорились воле Адриана и обещали исполнять данную заповедь.

Искуситель не замедлил смутить новоначальных. Едва дали они обет соблюдать правило старца, как одна благочестивая раба Божия, движимая усердием к Адриану, в самый праздник Рождества Христова, принесла ему в дар сыру, масла и яиц. Ученики поколебались и, приступив к старцу, просили его, для столь великого праздника в последний раз разрешить им на присланную пищу. Старец отвечал: «Нет на то моего благословения. Или не знаете, что данные обеты нужно исполнять твердо, и, дав их, не следует увлекаться встречающимися соблазнами? Они – от диавола, ищущего погибели человеческой. Для чего мы оставили вся красная мира и ушли в монастырь, если не для того, чтобы узким путем – путем самоумерщвления – приближаться к Царствию Небесному? Для чего мы оставили и самый монастырь и поселились в пустыни, если не для того, чтобы здесь свободнее и строже исполнять иноческие подвиги? Твердо да помним, что за свое нерадение подвергнемся строжайшему осуждению, нежели пребывающие в общежитии. С терпением и мужеством понесем принятый крест вслед возлюбленного Иисуса: отвергнемся мирских похотей, которые обольщают чувства, расслабляют ум, развращают волю. При находящих на нас искушениях, вспомним о подвигах святых мучеников, которые, из любви к Богу, неколебимо шли на лютейшие страдания и с радостью жертвовали своею жизнью; вспомним и о преподобных и богоносных отцах наших, которые свою плоть изнуряли столь строгим постом, что делались почти бесплотными, и в награду за свои подвиги удостоивались высших даров благодати; да взираем и на Подвигоположника нашего, Господа Иисуса Христа, Который ради нас претерпел и алкание, и жажду, и нищету, и изгнание, и поношение, и оплевание, и заушение, и биение, и наконец, крестную смерть. После всего этого, ужели ради обольщающей нас снеди мы сделаемся рабами, не только своего чрева, но и клятвопреступниками? Мы имеем пред глазами злосчастный пример нашего праотца, который, за вкушение запрещенного плода, изгнан был из рая сладости и должен был всю жизнь оплакивать свое преслушание. Если и жесток избранный нами путь, то для нас собственно он должен

быть менее труден, потому что мы избрали его добровольно».

Ученики с благоговением внимали мудрому слову старца, раскаялись в своем малодушии и со смирением исполнили волю его, возвратив присланную снедь.

Пребывая в посте, пустыnnики пребывали в молитве. Ежедневно, кроме литургии, они отправляли, по уставу Церкви, вечерню, утреню и часы, присоединяя и другие правила по чину пустынному. Псалмопение было их любимым и постоянным упражнением. Нередко в полночное время, при безмолвии природы, они выходили из своей кельи совершить обычное псалмопение; голоса их далеко разносились в воздухе; эхо повторяло молитвенное их песнопение; казалось, и природа вместе с ними восхваляла Творца и Зиждителя своего. Не нужно говорить, что старец Адриан своим примером предшествовал малой своей дружине, воодушевляя ее неослабно нести добровольно принятое на себя иго строгого пустынножительства.

Ревнуя древним святым подвижникам, блаженный быстро возрастал в духовной жизни. Чистота райского человека отражалась в его внешних чертах и действиях. Бессловесная тварь преклонялась пред ним, воздавая почтение восстановленному в нем образу Божию. Однажды случилось ему встретиться с тремя медведями. Старец погрозил на них жезлом — и свирепые животные удалились, уступая дорогу человеку Божию. В другой раз увидел он медведицу с детьми, которая с зверским рыканием поднялась на задние лапы и уже готова была броситься на него; но мужественный старец не уstraшился, и с молитвою в сердце погрозил ей, как и прежде, своим жезлом; медвежата скрылись в лес, а медведица, обошедши вокруг старца, побежала за ними. Случилось старцу идти с своим учеником Ионою лесом, где вдали показалась опять медведица с детьми. Устрашенный ученик громко возопил: «Отче! Смотри, какой зверь на нас идет!» Действительно, медведица быстрыми шагами приближалась к ним; о. Адриан, сотворив молитву, приказал ученику осенить себя знаменiem креста, и медведица пошла назад и скрылась от взоров.

Одна благочестивая госпожа, уважающая старца, послала к нему своего слугу с письмом. Недалеко от его кельи текла река, чрез которую устроен был плот. Посланный, перешедши плот, хотел сесть на лошадь и уже вложил одну ногу в стремя, как вдруг лошадь понеслась и помчала за собою всадника, висевшего на одном стремени и головою ударявшегося о землю. Чувствуя всю опасность своего положения, он начал взывать: «Отцы пустынные, отцы пустынные, помогите!» При этих словах лошадь

вдруг остановилась, и посланный благополучно приехал к старцу.

Отец Адриан, направляя все свое попечение о душе, мало заботился о теле. Он никогда не носил теплой одежды и не употреблял обуви; если случалось ему, по необходимости, ходить в окрестные села, верст за 20 от его пустыньки, он ходил босой, не разбирая ни дороги, ни времени года. В зимнее время снег так крепко прилипал к его подошвам, что с них слезала кожа; а в летнее время, от постоянных трудов, кровь ручьями текла из ног его, и все тело покрывалось язвами. Смирennemудрый старец запрещал своим ученикам рассказывать о его подвигах, имея постоянно в уме слова Христа Спасителя: *Да не явишися человекъ постяся, но Отцу твоему, иже въ тайнѣ* (Мф. 6, 18).

Таким образом, с лишком восемь лет подвизались блаженные отшельники в уединенной пустыни, и никто не нарушал их безмолвия. Но вскоре соседние жители стали рубить лес и принудили старца Адриана удалиться в другое место, более удобное для пустынножительства.

Новый помещик принял блаженного также с любовью, поставил ему келью и снабдил всем нужным для мирного жительства.

Верстах в десяти от кельи Адриана подвизался другой старец, Варнава, работая Богу в совершенном безмолвии. Он имел при себе одного только ученика и никого другого не принимал в сожительство; даже соседство новопоселившегося отшельника было ему в тягость, особенно потому, что последний, по свойственной ему любви, никого не отгонял от себя. Прослышав о богоугодном житии Адриана, и миряне, и монахи из отдаленных стран приходили к нему ради душевной пользы. Старец принимал их с христианским радушием и позволял жить у себя иногда по неделе. Эти странники нередко нарушали безмолвие Варнавы так, что он решил переселиться верст за 100 от пустыньки Адриана. Но Господь опять сблизил этих двух пустынников; наступившая голодная осень принудила Варнаву просить Адриана, чтобы он благословил ему снова поселиться близ его кельи. Любвеобильный старец с радостью принял пришельца, и жизнь их потекла мирно и богоугодно.

Недолго, впрочем, отшельники наслаждались спокойствием. Одной ночью напали на них разбойники и, опустошив сначала келью Адриана, ограбили и келлии Варнавы. Господь сохранил жизнь Адриана, но Варнава должен был принять венец мученический: он не перенес нанесенных ему побоев и через 10 дней предал свою праведную душу Господу Богу. Адриан, совершив над ним надгробное пение, предал честное тело его земле близ обитаемой им кельи.

После сего пустынножители оставили Орловские леса и переселились в Смоленские преде-

лы, где, по устроению Божию, нашли благодетелей, которые приняли их с усердием и поставили для них пустынные кельи. Как «градь не может верху горы стоять», так не сокрылась высокая по добродетелям и смиренная по духу жизнь старца Адриана. Многие боголюбцы, узнав о его подвижнической жизни, приходили внимать его опытным советам. Чтобы более привязать его к избранному им месту, они предложили устроить церковь близ его кельи и таким образом положить основание обители для иночествующих, но старец не согласился на это, предчувствуя, что и здесь не долговременно будет его пребывание.

И предчувствие его вскоре сбылось. В Смоленской губернии не было обычая чтобы монахи жили в лесу, а потому не только гражданское, но и духовное начальство смотрело на пустынножительство не с благоволением. Этот взгляд имел влияние и на участь старца Адриана. Сначала с вопросами о нем обратились к помещикам священники и, получив подробные сведения о строгом образе его жизни, приняли его за раскольника, обольщающего и самих помещиков. Вследствие сего, они внушили приходскому иерею объявить местной полиции, что в его приходе живут в лесу люди неизвестного звания, выдают себя за монахов и отправляют странное богослужение, похожее на раскольническое. Поэтому, спустя несколько времени, к помещику, у которого жил старец Адриан, является исправник с допросом: каких монахов он держит у себя в лесу? Помещик отвечал, что действительно живут у него благочестивые старцы, давно ему известные; и вкратце рассказав исправнику о их подвигах, повел его к отцу Адриану: «Кто ты, откуда, и почему не живешь в монастыре?» — спросил исправник старца, вошедши к нему в келлию». — «Мы не беглецы и не изгнанники, — смиренно отвечал Адриан, — но оставили свою обитель добровольно, по благословению начальства и ради безмолвного жития и совершенного уединения; а это пустынное место избрали мы для жития потому, что оно показалось нам удобным для нашего спасения. Хотя мы — грешные рабы Божии, но желаем подражать древним святым мужам, которые от соблазнов мира скитались в пустынях, в горах, в вертепах и пропастях земных. Не препятствуй нам жить, Христа ради. Он обещал наградить и за одну чашу холодной воды; тем более наградит Он того, кто успокоит странника и даст ему свободу рабаботать Господу Богу».

Исправник тронулся словами старца, всем сердцем прилепился к нему, обещал во всем успокоить его; на другой же день, в знак любви и уважения, прислал ему мешок пшеничной муки.

Священники, видя, что их объявление светскому начальству осталось безуспешным, обратились с доносом на старца к Смоленскому епископу Парфению, который вскоре и вызвал к себе старца. «Кто ты и откуда?» — спросил его Парфений. — «Я грешный иеромонах Адриан из Площанской пустыни», — отвечал старец. — «Давно ли живешь в моей епархии и с чьего дозволения?» Смиранный отшельник, пав к ногам архиерея, сказал: «Прости меня, владыко святыи, что я, будучи земля и пепел, держу не только предстоять твоему святительскому лицу, но и беседовать с тобою. Не скрою от тебя ничего; имей терпение выслушать меня: давно уже удалился я из монастыря и поселился в Орловских лесах, где и прожил бы до смерти, если бы не пришли к нам разбойники и не причинили нам много озлоблений. Собрат мой от их рук переселился в вечность, а я, по маловерию своему, решился искать безопасного убежища в твоей епархии, где прирел и успокоил меня здешний вице-губернатор г. Храповицкий, и дозволил мне жить в своем лесу».

«Если желаешь остаться тут, то ты должен поступить в мое ведомство, и я приму тебя с любовью; в противном случае, не могу допустить, чтобы чужие иноки скитались по моей епархии».

Старец земным поклоном возблагодарил архипастыря за его милостивое слово и спросил дозволения предварительно посоветоваться со своими учениками. Парфений согласился.

Возвратившись в пустыню, о. Адриан передал ученикам слова архиерея и потребовал их мнения.

«Мы на все согласны, — единодушно говорили ученики, — с тобою мы готовы везде жить, только ты не бросай нас».

«Верю любви вашей, — сказал старец, — но какой мы дадим ответ владыке? Каждый час дорог для нас, и потому нужно теперь же решить: поступать ли в здешнее ведомство, или нет? Только припомните, что здешние монастыри нуждаются в монахах и легко может случиться, что духовное начальство, приняв нас в свое ведомство, не дозволит нам пустынножительствовать, и против нашей воли определит нас в какую-нибудь обитель».

Долго думали и рассуждали между собою пустынники; наконец Иона вспомнил об одном иеромонахе, знакомом о. Адриану, который жил в то время в Невской Лавре и пользовался расположением митр. Гавриила; Иона убедил старца написать к нему письмо, и старец принял совет ученика с любовью. Подробно изложив в письме свои обстоятельства, о. Адриан просил иеромонаха уведомить: можно ли ему с учениками найти тихое пристанище в

Новгородской или Санкт-Петербургской епархии? – В непродолжительном времени он получил следующий ответ: «Отче святой! Я докладывал о тебе самому митрополиту и он с охотою принимает тебя. В нашей епархии много пустынных обителей, в которых ты найдешь мир и тишину. Владыка позаботится устроить тебя, как пожелаешь; он любит пустынников и всегда с утешением приемлет их под свое отеческое покровительство».

Вскоре после сего из Петербурга прислан был указ на имя Смоленского епископа Парфения, чтобы Площанскому иеромонаху Адриану с учениками выдать письменный вид для проезда в Петербург. Преосвященный в силу полученного указа, вызвал к себе старца, и вручая ему паспорт, сказал:

«Тебя и в Петербурге знают?»

О. Адриан принял бумагу и с учениками своими отправился в Петербург.

Прибыв в северную столицу, он немедленно явился к митрополиту Гавриилу. После продолжительной и уединенной беседы с архипастырем, старец просил у него пустынного места на Валаамском острове, чтобы там, под сению великой обители, мирно окончить дни свои. Митрополит отвечал: «В настоящее осеннее время Ладожское озеро очень бурно, и вам, непривыкшим к морю, такое плавание покажется трудным. Послушайтесь меня и с Богом отправляйтесь в Коневский монастырь, и там перезимуйте; когда же настанет весна, виднее будет, где поселиться вам».

С благословением архипастыря, Адриан и ученики отправились в Коневскую обитель, и были радушно приняты тамошним строителем Ионою. Вскоре, по распоряжению митрополита, Иона был перемещен строителем же в Моденский монастырь, а о. Адриан назначен на его место строителем Коневской пустыни, которая обязана ему вполне своим внешним, а не иначе внутренним благоустройством.

После десятилетнего управления обителью (с 1790 по 1800), он сложил с себя начальство и пожелал окончить дни свои в московском Симоновом монастыре, где за 30 почти лет пред сим принял ангельский образ. Вместе с учеником своим иеромонахом Ионою, он переселился туда в 1800 г. при настоятеле Иоанне; в следующем же 1801 г., с именем Алексия, облекся в великую схиму, и остальные 10 лет своей жизни провел в посте и молитве. На его светлом лице сияла чистая радость, как отражение чистоты его сердца; во взоре его проявлялась ангельская кротость, как выражение внутреннего мира.

Любовь его простиралась не только на людей, но и на безсловесных; с отеческим сердоболием он призывал больных птиц и животных,

лечил их, и вылеченных, с младенческою радостью, выпускал на волю.

Многие, с верою приходившие к нему, примечали в нем дар прозрения: так он провидел памятную для России, и в особенности для Москвы, эпоху 1812 г., и еще за год приглашал своих учеников и посетителей усугубить молитвенные подвиги о спасении отечества. Нередко случалось, что он, после долгого молчания, вдруг как будто пробуждался и с великим воодушевлением, обращаясь к окружавшим его, говорил: «Молитесь, братия, молитесь, великий огонь будет».

Но не суждено ему было дожить до сего времени. В начале 1812 года показалась опухоль в ногах, и он приметным образом стал изнемогать. Жизнь его, подобно тихому мерцанию потухавшей лампы, гасла постепенно; с наступлением св. Четыредесятницы, он пришел в крайнее изнеможение и с трудом мог говорить. С терпением перенося предсмертные недуги, он мирно и молитвенно ожидал своей кончины, уповая на бесценные заслуги Исккупителя мира. За несколько дней до кончины, его соборовали и он приобщился св. Таин. После сего освященного напутствия он перестал вовсе говорить, и только взорами, устремленными горю, давал разуметь ученикам, что молитвенный дух его стремится скорее разрешиться от уз плоти и быть со Христом. Наконец, на средокрестной неделе, в четверг 28 марта, во время вечернего богослужения, он мирно предал дух свой Господу Богу, 90 лет от рождения.

Тело блаженного Алексия, согласно последней его воле, покоится против алтаря больничного храма во имя Сошествия Св. Духа, близ кельи, в которой он свято подвизался и мирно почил о Господе.■

Фото внутренней обложки: Молодежный Съезд 1992 →

Фотография 2-й страницы обложки «Вестника» № 6/1992 изображала храм свят. Николая в Штутгарте.

Наш «Вестник» является официальным органом Германской Епархии Русской Православной Церкви Заграницей. Редакторы «Вестника» стараются по совести высказывать мысли согласные с учением Святой Православной Церкви и нашей иерархии. Однако, при всем старании авторов, иногда могут допускаться ошибки. Ответственность за такие ошибки ложится исключительно на авторов статей и на редакторов «Вестника», но ни в коем случае не на Архиерейский Синод или Епархиальное Управление, которые не ведут предварительной цензуры, и не могут знать заранее, где и что будет напечатано.

«Вестник» издается трудом и иждивением братства Преп. Иова в Мюнхене. Всех заинтересованных в его существовании и распространении мы просим жертвовать на счет Епархии с соответствующим указанием на переводе. Малые пожертвования возможны в форме почтовых марок.

Счет Монастыря: **PSCHA München Konto Nr. 53031-801**

Адрес Редакции: «VESTNIK»

Kloster des Hl. Hiob von Počaev

Schirmerweg 78

8000 München 60 – Deutschland

Tel.: (089) 834 89 59 Fax: (089) 88 67 77

ISSN 0930 - 9039